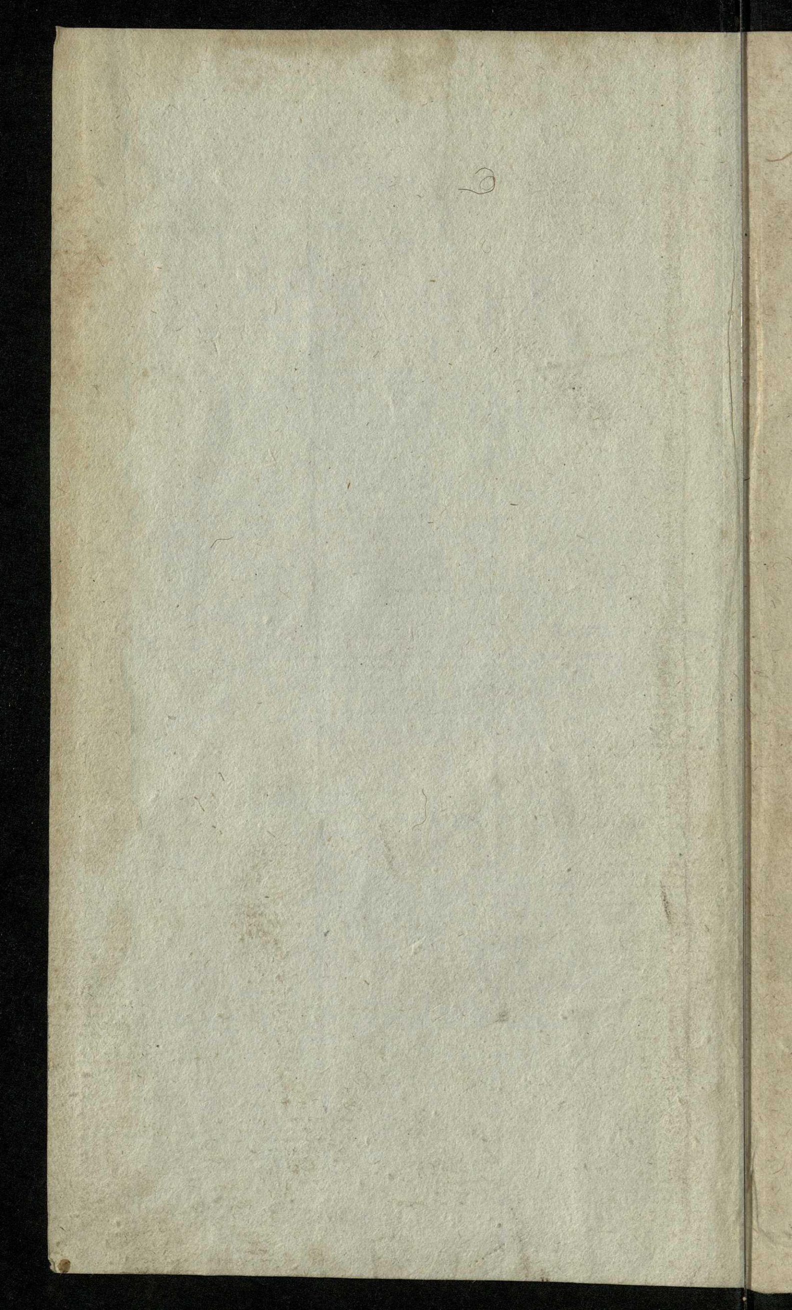




ИСТОРІЯ АБДЕРИТОВЪ,

Сочиненная

Виландомъ.

Частъ I,

Содержащая первую, вторую и третїю книгу.

Переведена съ Нѣмецкаго

М. Г.



МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.
1793.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: История Абдеритовъ Часть I, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,*

Андрей Брянцевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
ОТЪ
ПЕРЕВОДЧИКА.

Имя Виландово славно во всей Германіи. Острое, умное и забавное перо его понравилось тамошней Публикѣ, особливо умѣющей цѣнить высокіе таланты и просвѣщенныя понятія, и она принимаетъ всѣ сочиненія его съ благоволеніемъ, каковое оныя заслуживаютъ. Дарованіе его веселить и купно наставлять, тонкое и глубокое познаніе человѣческой природы и примѣчательной его духъ ясно представится глазамъ Читателя и въ семъ сочиненіи. Сатирическая кисть его не касаясь современниковъ своихъ описуетъ жите-

лей самой древнѣйшей республики, въ свойственномъ имъ смѣшномъ видѣ, такъ что зеркаломъ глупостей, предразсудковъ и самомечтанія Абдеритовъ никто нынѣ оскорбляться не можетъ, кто себя въ ономъ не видитъ, или кому по крайней мѣрѣ самолюбіе видѣть себя не позволяетъ. И такъ я прочитавъ случайно подлинникъ ласкаюся надеждою, что переводъ онаго на Россійской языкъ удостоится благосклоннаго вниманія моихъ соотечественниковъ, особливо когда они увѣрены будутъ, что я главное намѣреніе имѣлъ то, дабы доставить имъ новое удовольствіе, познакомивъ ихъ ближе съ Виландомъ.



Предувѣдомленiе.

Тѣ, которые почтутъ за нужное узнать, *подлинны* ли въ сей исторiи принятыя за основанiе происшествiя и характеры, естьли не пожелаютъ оныхъ прiискивать въ самыхъ источникахъ, то есть, въ творенiяхъ Геродота, Дiогена Лаэрцiя, Атенея, Элiана, Плутарха, Лукiана, Палефата, Цицерона, Горацiя, Петронiя, Ювенала, Валерiя, Геллiя, Солина и другихъ, — могутъ удостовѣриться изъ статей подъ названiемъ: *Абдера*

и *Демокритъ* въ Белевомъ словарѣ, что сіи Абдериты въ томъ вкусѣ, въ какомъ описаны *Лукіаномъ*, не принадлежатъ къ истиннымъ Исторіямъ. Какъ *Абдериты*, такъ и ученый ихъ согражданинъ *Демокритъ*, являются здѣсь въ настоящемъ своемъ видѣ; и хотя Сочинитель, при наполненіи пустыхъ и объясненіи темныхъ мѣстъ, при уничтоженіи дѣйствительныхъ и соглашеніи мнимыхъ противорѣчій, въ помянутыхъ Писателяхъ найденныхъ, кажется, трудился по неизвѣстнымъ справкамъ; однако остроумные Читатели

тели примѣтятъ, что онъ во всемъ слѣдовалъ такому руководителю, которой по важности своей превосходитъ всѣхъ Эліановъ и Атенеевъ, и противъ голоса его одного свидѣтельство цѣлаго свѣта, и судъ всѣхъ Амфиктіоновъ, Ареопаговъ, Децемвировъ, Центумвировъ, и Дуцентумвировъ, также Докторовъ, Магистровъ и Баккалавровъ, всѣхъ вообще и каждаго въ особливости недѣйствителенъ, то есть, слѣдовалъ *самой природѣ*.

Сочинитель весьма будетъ доволенъ, когда сей трудъ его почтутъ хотя за малое дополненіе къ Исторіи

торіи человѣческаго разума; думаетъ однакожъ, что оной и подъ симъ толь великолѣпнымъ титуломъ ни больше ни меньше того, чѣмъ должны быть всѣ Историчеекія книги, естьли не унижать ихъ въ сравненіи съ повѣстію о прекрасной Мелузинѣ, и не ставить наровнѣ со вздорною изъ всѣхъ сказокъ Госпожи д'Онуа.



АБДЕРИТЫ.

КНИГА ПЕРВАЯ,

или

Демокритъ между Абдеритами.

ГЛАВА I.

Предварительныя извѣстія о происхожденіи города Абдеры и о свойствахъ жителей онаго.

Древность Ѳракійскаго города *Абдеры* теряется въ баснословныхъ временахъ Героевъ. Нѣтъ намъ нужды

до того, получилъ ли онъ свое имя отъ *Абдеры*, сестры славнаго Діомеда, Царя Бистонскихъ Ѳракійцовъ (*), которой былъ великой охотникъ до лошадей, и держалъ ихъ столь много, что наконецъ онъ и его государство лошадьми съѣдены (**), — или отъ *Абдера*, главнаго конюха сего Царя, или отъ другаго *Абдера*, которой, какъ сказываютъ, былъ любимцемъ Геркулесовымъ.

Когда *Абдера*, спустя нѣсколько вѣковъ по ея первомъ осно-

(*) Solin Polyhist. C. X.

(**) *Палефатъ* въ своей книгѣ о *Вещахъ невѣроятныхъ* изъясняетъ баснь такимъ образомъ, что сей Государь лошадей своихъ кормилъ человѣчьимъ мясомъ, и наконецъ Геркулесомъ самъ онымъ брошенъ былъ на снѣденіе.

основанiи, отъ ветхости раз-валилась: что *Тимезiй Клазо-менскiй* во время тритцать первой Олимпiады вознамѣ-рился ее опять выстроить. Дикiе *Ѳракiйцы*, кои не хо-тѣли допустить никакихъ го-родовъ по сосѣдству, не дали ему времени воспользовать-ся плодами трудовъ своихъ. (*) Они выгнали его опять, и *Абдера* осталась ненасе-ленною и недоконченною, по-ка подъ исходъ пятдесятъ девятой Олимпiады жители Iонiйскаго города *Теоса* — не хотя покориться завоевате-лю *Киру* — отправились на корабляхъ во *Ѳракiю*, и на-шедъ въ одной изъ плодород-нѣйшихъ ея странъ сiю *Аб-*

(*) Геродот. I. 42.

деру уже построенною, овладѣли ею, какъ вещїю оставленною, и никому не принадлежащею, и укрѣпились въ оной противъ Ѳракїйскихъ варваровъ толь сильно, что они и потомки ихъ съ того времени назывались Абдеритами, и составляли небольшую вольную область, которая (подобно весьма многимъ городамъ Греческимъ) была срединою между народовластїемъ и вельможеначалїемъ, и управлялась такъ, — какъ управлялись издревле малыя республики.

„Къ чему (скажутъ наши Читатели) сїе совсѣмъ маловажное произвожденїе начала и участи городка *Абдеры* во Ѳракїи? Какое намъ дѣло до *Абдеры*? какая

намъ

намъ нужда знать, или не знать, когда, какъ, гдѣ, для чего, кѣмъ, и на какой конецъ построенъ тотъ городъ, которой уже давно въ свѣтѣ не существуетъ?„

Потерпите! благосклонные Читатели! пока мы согласимся въ нашихъ условіяхъ, прежде нежели я продолжать стану мою повѣсть. Боже сохрани, требовать отъ васъ, чтобъ вы Абдеритовъ читали тогда, когда можете дѣлать что нибудь нужнѣйшее, или читать что нибудь лучшее! — „Я долженъ приго„товиться къ проповѣди, ко„торую говорить буду. — „Мнѣ надобно посѣтить боль„ныхъ. — Мнѣ должно сочи„нить мнѣніе, рѣшеніе, объ„ясненіе, покорнѣйшее доно-

„шенiе. — Я долженъ сдѣлать „рецензiю. — Я купилъ пару „воловъ. — Я женился. „ — Съ Богомъ! готовтесь, посѣщайте, рѣшите, рецензируйте, покупайте, женитесь! — Хлопотливые Читатели рѣдко бываютъ Читатели хорошiе. Иногда нравится имъ все, иногда ничего; иногда разумѣютъ они насъ до половины, иногда совсѣмъ не разумѣютъ, иногда (что всего хуже) понимаютъ неправильно и ложно. Кто съ удовольствiемъ и съ пользою читать хочетъ, тому ничего другаго ни дѣлать ни думать не должно. Когдажъ вы въ такомъ положенiи находиться будете: то для чегобъ не захотѣть вамъ минуты двѣ или три употребить на то,

да-

дабы хотя нѣсколько узнать, что Салмазію, Барнесу, Белю, — и скажу чистосердечно, мнѣ самому (ибо уже не во время вспало мнѣ на умъ, пріискать статью Абдеры въ Белевомъ словарѣ), столь же многихъ часовъ стоило? Вить вы слушали бы меня съ терпѣніемъ, когдабъ я началъ вамъ расказывать *исторію о Богемскомъ Королѣ, семь замковъ имѣвшемъ*, или *повѣсть о трехъ Календерахъ*.

И такъ Абдеритамъ (въ слѣдствіе того, что объ нихъ выше сказано) надлежало быть такимъ тонкимъ, живымъ, замысловатымъ и умнымъ народомъ, каковой когда либо подъ солнцемъ находился. —

„ А почемужъ бы это?„

Сей вопросъ, думать надобно, дѣлается не отъ ученыхъ изъ нашихъ Читателей. Да ктобъ и захотѣлъ писать книги, естьлибъ всѣ Читатели такъ были учены, какъ Авторъ? Вопросъ, *почему это*, остается всегда вопросомъ весьма умнымъ. Онъ всегда заслуживаетъ отвѣтъ, когда рѣчь идетъ о дѣлахъ *человѣческихъ*; и горе тому, кто приходитъ къ замѣшательство, или стыдится, или сердится, когда на слово, *почему это*, изъясниться долженъ. Мы бы съ своей стороны и не дожидаясь вызыву, дали отвѣтъ, естьлибъ Читатели такъ не поторопились. Вотъ онъ!

Городъ *Теосъ* былъ Аѳинское селенiе, одно изъ тѣхъ

двѣ-

двѣнатцати или тринатцати, которыя подъ предводительствомъ *Нелея, сына Кодрова,* заведены были въ Іоніи.

Аѳиняне издревле были народъ веселой и остроумной, и сказываютъ, что они таковы еще и понынѣ. Будучи переселены въ Іонію, они столькожъ выигрывали подъ прекраснымъ климатомъ, сію отъ натуры изнѣженную землю осѣняющимъ, какъ Бургундской виноградъ, пересаженной на пригорокъ. Изъ всѣхъ другихъ народовъ Іонійскіе Греки больше любили музъ. Самъ Гомеръ, что очень вѣроятно, былъ Іонійской уроженецъ. Эротическія пѣсни, Милетскія басни (образцы нашихъ сказокъ и романовъ,) признаютъ Іонію своимъ отечествомъ.

Горацій между Греками Алкей, жаромъ наполненная Сафо, Анакреонъ, *пѣвецъ* — Аспазія, *учительница* — Апеллесъ *живописецъ* — *Грацій*, родились въ Іоніи; Анакреонъ былъ даже урожденный Теянинъ. Сей послѣдній былъ почти осмнатцати-лѣтняго возраста (ежели вѣрить исчисленію Барнесову), какъ сограждане его перебрались въ Абдеру. Онъ переселился тудажъ, и въ доказательство, что онъ не оставилъ своей лиры, богамъ любви посвященной, сложилъ тамъ пѣснь одной Ѳракійской дѣвушкѣ, (въ Барнесовомъ изданіи шестьдесятъ первую), въ которой дикой Ѳракійской тонъ весьма искусно соединенъ съ Іонійскою пріятностію, свойственною его пѣснямъ.

И такъ, кто бы не подумалъ, что Теяне — въ первомъ своемъ происхожденіи Аѳиняне — толь долгое время имѣвшіе отечествомъ Іонію — сограждане Анакреоновы — удержатъ и во Ѳракіи свойство остроумнаго народа? Однако (какаябъ тому ни была причина) безъ сомнѣнія вышло тому противное. Едва Теяне сдѣлались Абдеритами, то уже не походили болѣе на своихъ предковъ. Они не потеряли совсѣмъ прежней своей живости, и не превратились въ *олуховъ*, такъ какъ *Ювеналъ* ихъ обвиняетъ (*). Но живость ихъ приняла чудной оборотъ; и воображеніе ихъ такъ выпередило разсудокъ, что сему послѣднему никогда не

(*) Ювенал. Сатир. X. стран. ст. 50.

не возможно было догнать первое. Абдериты не имѣли недостатка въ замыслахъ; однако ихъ замыслы рѣдко соотвѣтствовали тому случаю, къ которому были принаровляемы; или дѣлались уже тогда, когда случай проходилъ. Они говорили много, однако всегда не думавъ ни одной минуты, что сказать, или какъ сказать хотѣли. Естественнымъ слѣдствїемъ сего было то, что они рѣдко отворяли ротъ безъ того, чтобъ не сказать чего нибудь сумазброднаго. По нещастїю сїя худая привычка простерлась и на ихъ поступки; ибо они запирали клѣтку уже тогда, когда вылѣтала птица. Почему они подвергали себя упрекамъ, что будто бы имѣли не-

недостатокъ въ разсужденіи; однакожъ опытъ доказалъ, что они не лучше были, когда и разсуждали. Естьли они (что довольно часто случалось) дѣлали какую нибудь непростительную глупость, то это всегда происходило отъ того, что слишкомъ поумничать хотѣли; и ежели они по дѣламъ, до общей пользы касающимся, имѣли продолжительныя и важныя совѣтованія, то вѣрно можно было положиться, что изъ всѣхъ возможныхъ мѣръ примутъ самыя худшія.

Наконецъ они вошли у Грековъ въ пословицу. Это *Абдеритская замашка*; это по-Абдеритски сдѣлано, такъ говаривали они; и простодушные Абдериты не пропу

скали случая, насмѣшниковъ своихъ съ избыткомъ надѣлять таковыми остроумными затѣями. Для опыта пусть послужатъ только два примѣра. Нѣкогда вздумалось имъ, чтобъ такой городъ, каковъ Абдера, имѣлъ прекрасной колодезь, которой бы стоялъ среди большей площади, и для потребнаго на то иждивенія наложенъ былъ новой денежной сборъ. Они выписали изъ Аѳинъ одного славнаго рѣщика, дабы онъ выработалъ группу статуй, которая бы представляла морскаго бога на колесницѣ, везомой четырью морскими конями, окруженнаго Нимфами, Тритонами и Делфинами. Морскіе кони и Делфины должны были изъ ноздрей своихъ выпу-

пускать множество воды. Но какъ все приведено было къ концу, то нашлось, что едва довольно было воды для обмоченія ноздрей одного только Делфина; и когда заставили дѣйствовать сдѣланныя машины, то казалось не иное что, какъ будтобъ всѣ сіи морскіе кони и Делфины насморкъ получили. Дабы не притти въ посмѣяніе, то велѣли они всю группу отнести въ храмъ Нептуновъ; и когда она показывана была чужестранцамъ, то пономарь именемъ почтеннаго города Абдеры весьма важно изъявлялъ свое сожалѣніе, что такое славное дѣло искусства по скупости натуры должно было остаться безъ употребленія.

Въ другой разъ купили они Венеру, изъ слоновой кости прекрасно сдѣланную, которая почиталась между примѣрными произведеніями Праксителя. Она была вышиною около пяти футовъ, и долженствовала поставлена быть на жертвенникѣ богини любви. Когда она была привезена, то вся Абдера пришла въ восторгъ отъ красоты сея Венеры; ибо Абдериты показывали себя тонкими знатоками и страстными любителями художествъ. Она столь прекрасна, вскричали они единогласно, что не прилично ей стоять на низкомъ мѣстѣ. Образцовое искусство, которое дѣлаетъ городу толь много чести, и стоитъ толь много денегъ, надобно поста

ставить какъ можно выше; оно должно первое встрѣтиться глазамъ чужестранцовъ при вѣѣздѣ ихъ въ Абдеру. Въ слѣдствiе такихъ здравыхъ мыслей подняли они малое прелестное изображенiе на обелискъ вышиною въ восемдесятъ футовъ; и хотя по томъ не льзя было распознать, Венеру ли оно или рыбную торговку представляетъ, однакожъ они принуждали всѣхъ чужестранцовъ признаваться въ томъ, что ничего совершеннѣе видѣть не можно.

Сiи примѣры, кажется намъ, уже довольно доказываютъ, что Абдеритамъ не сдѣлано никакой обиды, когда почитали ихъ за сумазбродовъ. Но мы сомнѣваемся, льзя ли себѣ представить ка-

кое обстоятельство, которое бы живѣе могло отличить ихъ характеръ, какъ то, что они (по свидѣтельству *Юстинову*) лягушкамъ внутри и внѣ города своего попустили усилиться такъ, что сами наконецъ принуждены были квакающимъ согражданамъ своимъ уступить мѣсто, и до рѣшенія дѣла, подъ покровительствомъ Царя Кассандра, переправиться въ третье жилище. Сіе нещастіе постигло ихъ не сверьхъ чаянія. Одинъ мудрый мужъ, между ими находившійся, предсказывалъ имъ за долго, что наконецъ то воспослѣдуетъ. Ошибка дѣйствительно состояла только въ средствахъ къ отвращенію зла, ими употребленныхъ, хотя они никогда до того доведе-

ны

ны быть не могли, чтобъ вникнуть въ оную. Однакожъ имъ глаза открыть бы долженствовало то, что едва нѣсколько мѣсяцовъ прошло по выѣздѣ ихъ изъ Абдеры, какъ со стороны Геранїи налетѣло множество журавлей, кои перетаскали у нихъ всѣхъ лягушекъ такъ исправно, что на цѣлую милю вокругъ Абдеры не осталось ни одной, которая бы при возвратѣ весны *Брекекекъ ква ква* прокричала.

ГЛАВА II.

Демокритъ урожденецъ изъ Абдеры. Имѣетъ ли его отчизна право гордиться имъ, и сколько?

Нѣтъ воздуха толь сгущеннаго, нѣтъ народа толь

глупаго, и нѣтъ мѣста толь безславнаго, чтобъ иногда не произошелъ оттуда какой либо великой мужъ, говоритъ Ювеналъ. Пиндаръ и Эпаминондъ родились въ Беотіи, Аристотель въ Стагирѣ, Цицеронъ въ Арпинѣ, Виргилій въ деревушкѣ Андесѣ при Мантуѣ, Албертъ великой въ Лаунингинѣ, Мартинъ Лютеръ въ Эйслебенѣ,Никстъ V въ деревнѣ Монтальто, что въ Марк-Анконѣ, и одинъ изъ лучшихъ Государей, какіе только были, въ По, что въ Беарнѣ. И такъ удивительно ли, когда и *Абдера* случайнымъ образомъ имѣла ту честь, что величайшій въ древности испытатель природы, *Демокритъ*, въ ея стѣнахъ жизнь получилъ?

Я не вижу, почему какое нибудь мѣсто можетъ воспользоваться такимъ обстоятельствомъ, дабы стараться о присвоенїи себѣ славы великаго мужа. Кому родиться надобно, тотъ долженъ гдѣ нибудь родиться; прочее снимаетъ на себя натура; и я весьма сомнѣваюсь, былъ ли кромѣ Ликурга такой законодатель, которой попеченїе свое распространилъ бы даже и на *малолѣтныхъ*, и взялъ всѣ возможныя мѣры, дабы государству доставляемы были здоровыя, стройныя, красивыя и умныя дѣти. Мы признаться должны, что *Спарта* въ разсужденїи сего имѣла нѣкоторое право хвалиться преимуществами своихъ гражданъ. Но въ Абдерѣ (такъ

какъ почти и во всемъ свѣтѣ) отдавали то на произволъ случая и Ангела хранителя; и естьли *Протагоръ* (*) или *Демокритъ* произошелъ изъ нея, то городъ Абдера дѣйствительно былъ въ томъ столькожъ невиненъ, какъ Ликургъ и его законы, когда въ Спартѣ раждался какой нибудь глупецъ или трусъ.

Но пусть было бы только въ семъ небреженіе, хотя оно касается до такого предмета, которой весьма важенъ для государства. Натура, ежели не мѣшать ей только въ

(*) Славный Софистъ Абдеритскій (нѣсколько старѣе Демокрита), котораго Цицеронъ съ Гиппіасомъ, Продикомъ, Горгіемъ, а потому съ величайшими мужами въ его части наукъ наровнѣ поставляетъ.

вЪ ея дѣйствїяхЪ, по большей части избавляетЪ насЪ отЪ всякаго дальнѣйшаго попеченїя о томЪ, чтобЪ пособлять ея произведенїямЪ. КогдажЪ она изрѣдка забудетЪ любимое свое творенїе наградить всѣми тѣми способностями, посредствомЪ которыхЪ человѣкЪ могЪ бы сдѣлаться совершеннымЪ, то отдѣлку предоставляетЪ искусству; и такЪ каждому государству остается еще довольно случая снискивать себѣ право хвалиться преимуществами и достоинствами своихЪ сограждanЪ. Однако Абдериты и вЪ семЪ случаѣ оставили слѣды весьма великаго недостатка вЪ своемЪ благоразумїи; и едва ли можно найти другое такое мѣсто, гдѣ бы о на-

зиданіи внутренняго чувства, разума и сердца будущихъ гражданъ менѣе прилагаемо было старанія.

Изощрять вкусъ, то есть, оное тонкое, правильное и *ученіемъ подкрѣпленное чувствованіе всего, что изящно*, есть самое лучшее основаніе къ той славной Сократавой *внутренней изящности и добротѣ* душевной, которая содѣлываетъ человѣка любви достойнымъ, здравомыслящимъ, благодѣтельнымъ и щастливымъ. И нѣтъ ничего способнѣе къ изощренію въ насъ сего правильнаго чувствованія изящности, какъ то, *когда все съ малолѣтства видимъ и слышимъ изящное*. Почему родиться въ такомъ городѣ, гдѣ науки находятся въ величайшемъ сове-

вер-

вершенствѣ, въ городѣ прекрасно выстроенномъ и наполненномъ образцовыми произведенiями художествъ, въ *Аѳинахъ*, есть всеконечно немалая выгода; и естьли Аѳиняне во времена Платоновы и Менандровы имѣли болѣе вкуса, нежели тысяча другихъ народовъ, то они неоспоримо обязаны тѣмъ своему отечеству.

Абдера въ Греческой пословицѣ (въ значенiи которой ученые, по ихъ обыкновенiю, несогласны), имѣла прозванiе, коимъ *Флоренцiя* между Италiанскими городами величается — *Красивой*. Мы уже замѣтили, что Абдериты были страстные охотники до изящныхъ художествъ; и въ самомъ дѣлѣ, во

 вре-

время цвѣтущаго ихъ состоянія, то есть, когда они на нѣсколько времени должны были уступить мѣсто лягушкамъ, городъ ихъ былъ снабдѣнъ великолѣпными зданїями, живописью, статуями, прекраснымъ театромъ и музыкальною залою (Ωδεῖον): однимъ словомъ, въ *маломъ видѣ* представлялъ *Аѳины* — выключая только вкусъ. Ибо по нещастїю странный образъ мыслей, о которомъ мы сказали выше, распространился и на ихъ понятїя о красивомъ и пристойномъ. Латоны богини, ихъ городъ покровительствовавшей, былъ самой худой храмъ; напротивъ того храмъ Язона, предводителя Аргонавтовъ, (коего златое руно, по сказкамъ

камъ ихъ, они имѣли) былъ самой великолѣпной. Ихъ ратуша походила на магазеинъ, и непосредственно предъ залою, гдѣ разсуждаемо было о дѣлахъ государственныхъ, всѣ Абдеритскія бабы, торгующія зельемъ, овощами и яйцами, имѣли чуланы для складки своихъ товаровъ. Напротивъ того Гимназія, гдѣ юношество ихъ упражнялось въ борбѣ и фехтованіи, утверждена была на столбахъ, въ три ряда поставленныхъ. Фехтовальная зала украшена была только картинами, важныя совѣтованія изображающими, и статуями въ покойныхъ или задумчивыхъ положеніяхъ (*).

Но

(*) Что здѣсь о Абдеритахъ говорится, повѣствуютъ другіе древніе писатели о городѣ *Алабандѣ*. См. *Coel.*

Но вмѣсто того ратуша представляла отцамъ отечества гораздо прелестнѣйшіе для зрѣнія предметы. Ибо, куда они въ залѣ обыкновенныхъ своихъ засѣданій ни обращали глаза, тамъ видны были прекрасные нагіе бойцы, или моющіяся Діаны и спящія Бакханки; и Венера съ любовникомъ своимъ, въ сѣтяхъ Вулкановыхъ выставленная на позоръ жителямъ Олимпа, (большая картина, которая висѣла противъ стула Архонтова), показывана была чужестранцамъ съ такимъ торжествомъ, которое бы важнаго Фокіона самого заставило въ первой разъ

Coel. Rhodog. Lect. Ant. L. XXVI. Cap. 25.

разъ посмѣяться въ своей жизни. Царь Лисимахъ (говорили они) сулилъ имъ за нее шесть городовъ и область, на многія мили простирающуюся; однако они не могли рѣшиться, уступить толь славную картину, особливо, когда она — по своей высотѣ и ширинѣ занимаетъ цѣлую стѣну совѣтной комнаты; сверхъ же того одинъ изъ ихъ критиковъ въ пространномъ, великою ученостію наполненномъ сочиненіи, весьма остроумно доказалъ соотвѣтствіе аллегорическаго смысла сей живописи тому мѣсту, въ которомъ она находится.

Конца бы не было описанію, естьлибъ мы захотѣли коснуться всѣхъ нелѣпостей,

какими сїя чудная реепублика изобиловала. Однако мы не можемъ еще одной опустить, потому что она принадлежитъ къ существенной части ихъ состоянїя, и не мало дѣйствовала на характеръ Абдеритовъ. Въ древнѣйшїя времена города, думать надобно, по установленїю *Орфееву*, *Номофилаксъ, или блюститель законовъ*, (одна изъ главнѣйшихъ въ градоправительствѣ особъ), былъ запѣвателемъ въ хорахъ при священнодѣйствїяхъ и главнымъ надзирателемъ надъ музыкою. Сїе имѣло тогда правильную причину. Но въ продолженїи времени перемѣняются основанїя законовъ, которые по томъ, буквально будучи исполняемы, дѣлаются смѣшными,

ми, а потому по перемѣнившимся обстоятельствамъ и должны принять новой видъ; но таковое разсужденіе не приходило Абдеритамъ въ голову. Часто случалось, что въ Номофилаксы избираемъ былъ тотъ, которой хотя довольно умѣлъ защищать законы; но либо худо пѣлъ, либо совсѣмъ никакого о музыкѣ не имѣлъ понятія. Что было дѣлать Абдеритамъ? По долгихъ совѣщаніяхъ издали они наконецъ узаконеніе, чтобъ самой лучшій пѣвецъ въ Абдерѣ былъ всегда впредь и Номофилаксомъ; и сіе велось до тѣхъ пор, пока Абдера стояла. Что Номофилаксъ и запѣватель могутъ быть двѣ различныя особы, того въ двацати публич-

личныхъ совѣтованіяхъ никому и на умъ не вспадало.

Легко отгадать можно, что музыка въ Абдерѣ, при такихъ обстоятельствахъ, находилась въ великомъ уваженіи. Все тамъ было музыкальное; все пѣло, все играло либо на флейтѣ, либо на лирѣ. Нравоученіе ихъ и Политика, Теологія и Козмологія почерпали основанія свои изъ музыки; даже врачи ихъ лѣчили болѣзни посредствомъ тоновъ и пѣсней. Имъ казалось, что они, касательно до теоріи, основываются на важности древнихъ мудрецовъ, Орфея, Пиѳагора и Платона. Однако въ самой практикѣ отступили они гораздо далѣе отъ строгости сихъ философовъ. Платонъ въ своей рес-

республикѣ не позволяетъ никакихъ нѣжныхъ, тихихъ и смягчающихъ тоновъ; музыка не должна въ его гражданахъ производить ни радости, ни печали; онъ кромѣ Іоническої и Лидійской гармоніи не допускаетъ никакихъ пѣсенъ любовнихъ, и за питьемъ хмѣльнова употребляемыхъ; да и самыя мусикійскія орудія кажутся ему столь не маловажными, что онъ многострунныя, и флейту Лидійскую исключаетъ, какъ опасныя орудія роскоши, и гражданамъ своимъ одобряетъ только лиру и цитру, а пастухамъ и земледѣльцамъ только свирѣль, изъ тростника сдѣланную. Однако Абдериты не такъ строго философствовали. У нихъ не было

изъятія ни въ какихъ тонахъ и музыкальныхъ орудіяхъ, и — по весьма истинному, но весьма часто ими непонимаемому основанію — утверждали они, что обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ надлежитъ разсуждать съ веселіемъ, а обо всѣхъ веселыхъ съ важностію. Примѣненіе сего правила къ музыкѣ послужило къ сумазброднѣйшимъ ихъ поступкамъ. Духовныя ихъ пѣсни походили на площадныя; однако за то не льзя было ничего слышать торжественнѣе того согласнаго пѣнія, какимъ сопровождаемы были ихъ пляски. Музыка для трагедіи была обыкновенно смѣшная; напротивъ того воинскія пѣсни отдавались такъ заунывно, что приличествовали только тѣмъ лю-

людямъ, которые идутъ на висѣлицу. Сія превратность простиралась и на всѣ предметы вкуса; игрокъ на лирѣ почитался въ Абдерѣ только тогда искуснымъ, когда струны такъ умѣлъ перебирать, что по слуху будто играетъ на флейтѣ; и пѣвица, дабы возбудить удивленіе, должна была урчать и дѣлать кудрявыя трѣли наподобіе соловья. Абдериты не понимали того, что музыка тогда только бываетъ музыкою, когда трогаетъ сердце. Они были довольны, когда она щекотала ихъ слухъ, или хотя пустыми, но полными и перемѣнными гармоніями оный заглушала. Словомъ, Абдериты при всей страстной охотѣ къ искусствамъ не имѣли вкуса; и въ сердцѣ

своемъ никогда не ощущали, что изящное есть по важнѣйшему основанїю изящнымъ, нежели *потому что имъ такъ нравилось.*

Не смотря на все сїе натура, случай и щастїе могли соединенными силами произвести то, что одинъ природной Абдеритъ получилъ человѣческой разумъ. Хотя должно признаться, что ежели что нибудь такое и случалось, то Абдера ни мало къ тому не способствовала. Ибо Абдеритъ обыкновенно тогда только былъ благоразумнымъ, когда не былъ Абдеритомъ. — И по сему-то обстоятельству безъ труда понять можемъ, для чего Абдериты о томъ изъ своихъ сограждан, которой имъ во всемъ свѣтѣ наиболѣе чести

сдѣ-

сдѣлалъ, думали всего менѣе. Это не принадлежало къ обыкновеннымъ ихъ глупостямъ. Они имѣли къ тому причину столь натуральную, что не справедливо бы было ихъ упрекать въ оной.

Причина же сія (какъ нѣкоторые себѣ воображаютъ) не та была, что они на пр. испытателя природы *Демокрита* — за-долго предъ тѣмъ, какъ онъ сдѣлался великимъ мужемъ — видали гоняющаго кубари, или кувыркающагося на травѣ. —

Также и не та, что они по зависти или ревности не могли терпѣть, чтобъ кто нибудь между ими былъ умнѣе ихъ. Ибо — хоть поклясться необманчивою надписью на вратахъ храма Делфійскаго! —

о семъ подумать ни одинъ Абдеритъ не имѣлъ довольно мудрости, или онъ съ той же минуты не былъбы уже Абдеритомъ.

Истинная причина, друзья мои, почему Абдериты согражданина своего Демокрита не уважали, была та, что они — не признавали его за умнаго.

„Почемужъ?„

Потому что не могли.

„Почемужъ не могли?„

Потому что они должныбъ были тогда самихъ себя почесть за глупцовъ. А чтобъ сїе сдѣлать не были они столько несмысленны.

Имъ легчебы было плясать на головѣ, или схватить зубами луну, или найти квадратуру круга, нежели признать

знать того человѣка умнымъ, которой во всемъ былъ совершеннымъ ихъ антиподомъ. Сіе слѣдуетъ изъ свойства человѣческой природы, которое еще въ Адамовы времена долженствовало быть замѣчено, которое однакожъ, когда *Гельвецій* изъ него выводилъ то — что слѣдуетъ, многимъ показалось совсѣмъ за новое, и которое съ сего времени, хотя ни для кого уже не кажется новымъ, но въ жизни каждую минуту выходитъ изъ памяти.

ГЛАВА III.

Кто таковъ былъ Демокритъ. Его путешествія. Онъ возвращается въ Абдеру. Что онъ привозитъ, и какъ его Абдериты принимаютъ. Испытаніе, которое они ему дѣлаютъ, и которое служитъ примѣромъ Абдеритскаго ихъ обращенія.

Демокритъ — я не думаю, что вы раскаяваться будете, когда познакомитесь съ нимъ короче —

Демокритъ былъ около дватцати лѣтъ отъ роду, какъ получилъ наслѣдство послѣ отца своего, одного изъ весьма богатыхъ граждан въ Абдерѣ. Вмѣсто того, чтобъ о томъ думать, какъ богатство свое сберечь или пріумножить, либо пріятнѣйшимъ или посмѣянія достойнѣйшимъ обра-

образомъ промотать, вознамѣрился сей молодой человѣкъ употребить оное средствомъ — къ приведенію въ совершенство душевныхъ своихъ способностей.

„Какъ же Абдериты отозвались о намѣреніи молодаго Демокрита?„

Симъ слабоумнымъ людямъ и во снѣ никогда не грезилось, чтобъ душа имѣла другія потребности, нежели желудокъ, брюхо и прочія необходимыя части видимаго человѣка. Почему они дѣйствительно сей вздорной мысли своего единоземца не могли довольно надивиться. Однако это самое всего менѣе его безпокоило. Онъ продолжалъ итти своею дорогою, и многіе годы проводилъ въ уче-

ныхъ путешествіяхъ по всѣмъ землямъ и островамъ, какія тогда объѣхать было можно. Ибо кто въ его время хотѣлъ сдѣлаться мудрымъ, тотъ долженъ былъ все, что можно, видѣть собственными глазами. Тогда не было еще книгопечатанія, Журналовъ, библіотекъ, магазиновъ, Энциклопедій, истолковательныхъ Словарей, или какъ называются всѣ тѣ способы, по которымъ нынѣ не знаемо какъ сдѣлаешься философомъ, критикомъ, сочинителемъ, всевѣдущимъ болтуномъ. Тогда мудрость была столь дорога, и еще дороже, нежели — *прекрасная Лаида*. Не всякъ могъ ѣздить въ Коринѳъ. Число мудрецовъ было не велико, кои однакожъ тѣмъ паче были мудрецами.

Демо-

Демокритъ путешествовалъ не для того только, чтобъ осмотрѣть нравы и состоянія людей, какъ Улиссъ; не для того только, чтобъ изыскать жрецовъ и собесѣдниковъ съ духами, какъ Платонъ; или чтобъ обозрѣть храмы, статуи, картины и древности, какъ Павзаній; или срисовать растѣнія и животныхъ, раздѣливъ ихъ по классамъ, какъ Докторъ Соландръ; но онъ путешествовалъ, чтобъ познать природу и искусство во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и причинахъ, человѣка въ его наготѣ и во всѣхъ перемѣнныхъ одѣяніяхъ, грубаго и просвѣщеннаго, подъ покровомъ и безъ завѣсы, въ цѣломъ и поврежденномъ состояніи, и прочія вещи во

всѣхъ

всѣхъ ихъ къ людямъ отношеніяхъ. Гусеницы въ Еѳіопіи (говорилъ Демокритъ) конечно суть только — гусеницы. Стоитъ ли гусеница того, чтобъ быть первымъ, самымъ важнымъ, единственнымъ ученіемъ человѣка? Но когда мы въ Еѳіопіи, то можемъ всегда мимоходомъ посмотрѣть и Еѳіопскихъ гусеницъ. Находятся въ землѣ *Серенійской* гусеницы, которыя миліонамъ людей доставляютъ одежду и пропитаніе: кто знаетъ, нѣтъ ли и при рѣкѣ *Нигрѣ* гусеницъ полезныхъ.

Имѣя таковой образъ мыслей, Демокритъ собралъ въ путешествіяхъ своихъ такое сокровище знаній, которое въ глазахъ его стоило всего золота въ казнохранилищахъ

Царя

Царя Индійскаго, и всего жемчугу на шеѣ и на рукахъ его женъ. Онъ зналъ отъ керда Ливанскаго до самой плѣсени Аркадскаго сыра, множество деревъ, кустовъ, зелій, травъ и мховъ; не только по ихъ виду, по ихъ именамъ и родамъ:- онъ зналъ также ихъ свойства, силы и дѣйствія. Но въ тысячу кратъ почиталъ онъ выше всѣхъ прочихъ своихъ знаній то, чтобы вездѣ, гдѣ только по его мнѣнію стоило труда останавливаться, заводить знакомство съ *мудрѣйшими и лучшими* людьми; и вскорѣ открывалось, что онъ принадлежалъ къ ихъ роду. Почему они дѣлались его друзьями, сообщали ему свои мысли и чувства, и чрезъ то избавляли его отъ труда,

собственнымъ прилѣжанїемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, и можетъ быть безъ успѣха, искать того, что они уже нашли съ иждивенїемъ и трудами, или хотя только по удачному случаю.

Обогащенный всѣми сими сокровищами ума и сердца возвратился Демокритъ послѣ двацати-лѣтняго странствованїя паки къ Абдеритамъ; которые о немъ почти позабыли. Онъ былъ виденъ и статенъ, учтивъ и ласковъ, какъ такой человѣкъ, которой учился обхожденїю съ различными людьми въ свѣтѣ. Прибывъ изъ отдаленныхъ краевъ земли, привезъ онъ съ собою набитаго крокодила, живую обезьяну и многїя другїя рѣдкости. Абдериты нѣсколь-

сколько дней ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о согражданинѣ своемъ Демокритѣ, которой возвратясь привезъ съ собою обезьянъ и крокодиловъ. Однако не много спустя вышло наружу, что они во мнѣнїи своемъ о мужѣ, такъ далеко странствовавшемъ, весьма обманулись.

Демокритъ тѣми честными людьми, коимъ онъ между тѣмъ ввѣрилъ попеченїе о своемъ имѣнїи, былъ въ половинѣ обманутъ, однакожъ подписалъ ихъ счеты безпрекословно. Естественно сїе долженствовало сдѣлать первой подрывъ въ хорошемъ мнѣнїи о его разумѣ. По крайней мѣрѣ стряпчїе и судьи, кои понадѣялись было на прибыльную тяжбу, замѣтили съ

вы-

выразительнымъ пожиманіемъ плечь, что не безопасно тому, кто такъ худо радѣетъ о собственномъ домѣ, ввѣрять дѣла общественныя. Между тѣмъ Абдериты не сомнѣвались, что онъ представитъ себя искателемъ знаменитыхъ ихъ почестей. Они вычисляли уже, какъ дорого продавать ему голоса свои; предлагали ему въ супружество дочь, внуку, сестру, племянницу, тетку, свояченицу; выгадывали, какую они въ отношеніи къ тому или другому своему намѣренію получать выгоду отъ его могущества, когда онъ сдѣлается Архонтомъ, жрецомъ Латониным, и проч. Но Демокритъ отозвался, что онъ не хочетъ быть ни совѣтникомъ

комъ въ Абдерѣ, ни супругомъ Абдеритянки, и чрезъ то снова разрушилъ ихъ затѣи. Послѣ чего надѣялись, замѣнить то хотя нѣсколько обхожденїемъ съ нимъ. Человѣкъ, которой привезъ обезьянъ, крокодиловъ и ручныхъ драконовъ, можетъ премного чудесъ насказать. Ожидали, что онъ говорить будетъ *о великанахъ двѣнатцати въ длину локтей, о карлахъ въ шесть пальцовъ вышиною, о людяхъ съ собачьими и ослиными головами, о морскихъ женщинахъ съ зелеными волосами, о бѣлыхъ Арапахъ, о голубыхъ центаврахъ.* Но Демокритъ лгалъ весьма мало, такъ какъ будто бы онъ никогда не выѣзжалъ за предѣлы своего отечества.

Спрашивали его, не находилъ ли онъ въ землѣ Гамарантовъ людей безъ головы, которые глаза, носъ и ротъ на груди имѣютъ; и одинъ ученой изъ Абдеритовъ (которой не выходя изъ стѣнъ своего города ни ногою, давалъ знать, какъ будтобъ не было ни одного уголка на землѣ, въ которой бы онъ не заглядывалъ) доказывалъ ему въ одномъ большомъ собранiи, что онъ либо въ *Еѳiопiи* никогда не бывалъ, либо необходимо тамъ долженъ былъ познакомиться съ *Агрiофагами*, коихъ Царь одинъ только глазъ на носу имѣетъ; съ *Самбрами*, кои всегда *собаку* избираютъ Царемъ своимъ, и съ *Артабатитами*, кои на четверенькахъ хо-

ходятъ (*). И естьли вы въ самой крайней западной части Еѳіопіи бывали, продолжалъ ученый мужъ, то я увѣренъ, что вы нашли одинъ *народъ безъ носовъ*, а другой, имѣющій толь маленькой ротикъ, что они принуждены бываютъ похлебку пропускать въ него черезъ соломинку (**).

Демокритъ клялся Касторомъ и Поллуксомъ, что онъ не помнитъ, чтобъ имѣлъ честь видать такихъ людей.

По крайней мѣрѣ, говорилъ первый, находили вы въ Индіи такихъ людей, ко-

(*) *Плин. Натур. Истор.* к. IV.

(**) *Солин.* Г. XXX. также *Плиній Мела* и другіе древніе и новые Писатели, кои не сомнѣваются, всѣ человѣческія чудовища, а которыхъ здѣсь рѣчь идетъ, признавать за дѣйствительныя творенія Божія.

торые только съ одною ногою на свѣтъ родятся; но не смотря на то по чрезвычайной широтѣ ея мчатся по землѣ такъ быстро, что едва на лошади за ними поспѣвать можно. (*) И что вы думали тогда, какъ при источникѣ рѣки Гангеса нашли такой народъ, которой безъ всякой другой пищи живетъ однимъ только запахомъ отъ дикихъ яблокъ (**)?

О! раскажите пожалуйте, вскричали Абдеритскія красавицы, раскажите намъ, господинъ Демокритъ! чего бы вы не могли расказать, ежелибъ только захотѣли!

Тщетно божился Демокритъ, что онъ всѣхъ такихъ чуд-

(*) Солинъ изъ Ктезія.
(**) Онъ же.

чудныхъ людей не видывылъ ни въ Еѳіопіи, ни въ Индіи, ниже слыхалъ объ нихъ.

Да чтожъ вы видѣли, спросилъ одинъ съ круглымъ брюхомъ господинъ, которой хотя не былъ объ одномъ глазѣ, какъ *Агріофаги*, не имѣлъ собачьяго рыла, какъ *Цимолги*, ни на плечахъ глазъ, какъ *Омофталмы*, ниже могъ прожить однимъ только запахомъ, какъ *райскія птицы*; однако дѣйствительно не болѣе имѣлъ мозгу въ большомъ своемъ черепѣ, какъ Мексиканской колибри, хотя не менѣе былъ, какъ Абдеритской совѣтникъ. — Да чтожъ вы видѣли, говорилъ *пузанъ*, вы, которой двацать лѣтъ ѣздили по свѣту; естьли вы ничего изо

всего того не видали, что въ отдаленныхъ краяхъ чуднаго видѣть можно?

Чуднаго? отвѣчалъ Демокритъ улыбаясь. Я столько былъ занятъ разсматриванїемъ естественнаго, что не осталось и времени для чуднаго.

Ну признаюсь я, отвѣчалъ *пузанъ*; стоитъ труда переѣхать всѣ моря, и перелѣзть чрезъ всѣ горы, чтобъ увидѣть то, что и дома увидишь.

Демокритъ не любилъ спорить съ людьми о ихъ мнѣнїяхъ, а всего менѣе съ Абдеритами; однакожъ и не хотѣлъ, дабы подумали объ немъ, будто онъ совсѣмъ ничего сказать не можетъ. Между Абдеритскими красавицами,

ми, находившимися въ собраніи, онъ искалъ такой, къ которой бы могъ обратить то, что сказать хотѣлъ; и нашелъ одну съ двумя большими Юнониными глазами, которые, не смотря на Физіогномическія его знанія, склонили его къ той мысли, что обладательница оныхъ имѣетъ нѣсколько поболѣе разума или чувствованія, нежели всѣ прочія. Чтожъ бы по вашему мнѣнію, сказалъ онъ ей, долженъ былъ я дѣлать на примѣръ съ такою дамою, у которой глаза на лбу или на локтѣ? Или какаябъ мнѣ изъ того была польза, когдабъ я въ искусствѣ моемъ успѣлъ столько, чтобъ тронулъ сердце — *людоѣдки*? Я всегда имѣлъ столько ума, чтобъ

предаваться тихой и пріятной власти двухЪ прекрасныхЪ глазЪ, вЪ натуральномЪ своемЪ мѣстѣ расположенныхЪ, нежели чтобЪ впасть когда нибудь вЪ искушеніе, дабы сЪ нѣжностію смотрѣть на большой коровій глазЪ, утвержденной на лбу *Циклопки.*

Красавица сЪ большими глазами не удомѣвая, какЪ принять ей слова сіи, смотрѣла вЪ уста тому, кто говорилЪ, сЪ нѣмымЪ удивленіемЪ, открывала сЪ улыбкою свои прекрасные зубы, и оглядывалась то на право, то на лѣво, какЪ будтобЪ желала узнать подлинный смыслЪ его рѣчи.

Прочія Абдеритянки хотя столь же мало поняли, но изЪ обстоятельства, что онЪ

онъ прямо оборотился къ глазунье, заключили, что онъ съ нею амурится, и взирали одна на другую съ свойственнымъ каждой кривляньемъ. Одна наморщивала покляпой свой носикъ, другая растягивала ротъ до ушей, третья надувала губы, хотя оне и безъ того довольно велики были; четвертая таращила маленькiе свои глаза, пятая кобенилась закинувъ голову, и т. д. Демокритъ, видя сiе и вспомнивъ, что онъ былъ въ Абдере, замолчалъ.

ГЛАВА IV.

Демокрита продолжают испытывать, начинают сперва о красотѣ, и выводятъ его изъ терпѣнія.

Молчанїе — есть иногда искусство; но никогда не бываетъ искусствомъ такъ великимъ, какъ нѣкоторые люди насъ увѣрить хотятъ, которые тогда весьма благоразумны, когда молчатъ.

Естьли мудрый мужъ видитъ, что онъ имѣетъ дѣло съ дѣтьми, то для чего ему думать о себѣ такъ много, чтобъ не говорить съ ними по-дѣтски?

Хотя я (говорилъ Демокритъ любопытному своему собранїю) чистосердечно признался, что изо всего

то-

шого, что по желанїю другихъ долженъ бы былъ видѣть, ничего не видалъ; однакожъ не воображайте себѣ, чтобъ со мною въ толь многихъ странствованїяхъ по водѣ и сухому пути ничего не встрѣчалось, могущаго удовлетворить вашему любопытству. Повѣрьте мнѣ, что есть такїя вещи, которыя можетъ быть вамъ еще удивительнѣе покажутся, нежели тѣ, о которыхъ говорено было.

При сихъ словахъ Абдеритскїя красавицы подвинулись поближе розинувъ ротъ и протянувъ уши. Вотъ наконецъ добились слова отъ пришлеца изъ чужихъ краевъ, вскричалъ малорослой пузастой совѣтникъ. У сего ученаго разгладились морщины

на

на лбу отъ надежды, что онъ найдетъ себѣ пищу въ похулкѣ, или поправкѣ того, что бы Демокритомъ ни сказано было.

Нѣкогда находился я въ одной землѣ, началъ Демокритъ, гдѣ мнѣ такъ полюбилось, что я въ первые три или четыре дни, которые препроводилъ въ ней, желалъ быть безсмертнымъ, дабы жить тамъ вѣчно.

„ Я никогда не выѣзжалъ изъ Абдеры, сказалъ совѣтникъ; но всегда думалъ, что нѣтъ въ свѣтѣ такого мѣста, гдѣбъ я могъ съ большимъ удовольствїемъ жить, какъ въ Абдерѣ. Со мною точно то же бываетъ, что и съ вами въ разсужденїи той земли, которая вамъ столько нравилась. Я бы

съ

съ радостїю отказался отъ всѣхъ прочихъ частей свѣта, лишь бы только вѣчно прожить въ Абдерѣ; но для чего только на три дни показалось вамъ такъ хорошо въ той землѣ?„

Вы тотчасъ это услышите. Представьте себѣ неизмѣримую землю, которая отъ прїятнѣйшаго смѣшенїя горъ, долинъ, лѣсовъ, холмовъ и луговъ подъ владычествомъ вѣчной весны и осени, имѣетъ повсюду, куда ни посмотришь, видъ блистательнѣйшаго увеселительнаго саду; все возделано и орошено водою, все цвѣтетъ и приноситъ плоды; повсюду вѣчная зелень, и вездѣ прохладныя тѣни и лѣса прекрасныхъ плодовитыхъ деревъ финиковыхъ, смоковныхъ, лимон-

монныхъ, гранатныхъ, кои растутъ безъ всякаго призрѣнія, какъ во Ѳракіи желуди; рощи миртовыя и жасминныя; Купидоновы и Цитерины любимые цвѣты не родятся на кустахъ, подобно какъ у насъ, но густыми и частыми пучками на большихъ деревахъ, и разцвѣтаютъ въ такой полнотѣ, какъ груди прекрасныхъ моихъ согражданокъ —

(Въ семъ случаѣ Демокритъ не хорошо поступилъ; и будущимъ повѣствователямъ можетъ послужить въ предосторожность, чтобъ они въ компаніи своей осматривались прежде, нежели сдѣлаютъ такія учтивости, хотя оныя сами по себѣ и обязательны. Красавицы закрывъ руками глаза покраснѣли. Ибо

по нещастію между присутствующими не было ни одной, которая бы соотвѣтствовала ласкательному уподобленію, хотя онѣ не преминули надыматься, сколько могли.)

Сіи прелестныя рощи, продолжалъ онъ, оживотворяются сладкимъ пѣніемъ безчисленныхъ родовъ птицъ, и наполнены тысячью пестрыми попугаями, на коихъ яркіе цвѣты при солнечномъ сіяніи ослѣпляютъ взоръ. Какая земля! я не понималъ, для чего богиня любви островъ Цитеру избрала своимъ пребываніемъ, когда такая земля находилась въ свѣтѣ? Гдѣбъ Граціи могли пріятнѣе танцовать, какъ не при берегахъ ручайковъ и источниковъ на низкой густой муравѣ, одѣтой живѣйшею зе-

ленью, лилеями, гіацинтами, и безчисленными еще гораздо лучшими цвѣтами, кои на нашемъ языкѣ названія не имѣютъ, по своей волѣ распускаются, и воздухъ наполняютъ самымъ нѣжнѣйшимъ благоуханіемъ?

Прекрасныя Абдеритянки, какъ легко отгадать можно, въ живости воображенія не уступали Абдеритамъ; и картина Демокритова, хотя онъ ничего худова не думалъ, представляла болѣе, нежели сколько слабенькія ихъ души выдержать могли. Нѣкоторыя томились желаніемъ мечтательнаго удовольствія; другія казались, какъ будто вкушали и обоняли сладостные запахи, кои разливались въ ихъ вообра-

ображенiи; прекрасная *Юнона*, опустя голову на канапейную подушку, сомкнула до половины большiе глаза свои, и очутилась не примѣтно на испещренномъ цвѣтами берегу одного изъ сихъ приманчивыхъ источниковъ, подъ тѣнью розовыхъ и лимонныхъ деревъ, съ вѣтвей которыхъ облака амброзическихъ духовъ надъ нею разстилались. Въ тихомъ забытiи отъ сладостныхъ чувствованiй едва она вздремала, какъ увидѣла лежащаго у ногъ своихъ юношу, прекраснаго какъ Бахуса, и не отвязчиваго какъ Амура. Она приподнялась, чтобъ разсмотрѣть его гораздо лучше, и нашла его столь прекраснымъ, столь нѣжнымъ, что слова, коими она дерзость

его наказать хотѣла, замерли въ устахъ ея. Едва она —

И какъ вы думаете (продолжалъ Демокритъ) называется сія очаровательная земля, о которой красотахъ все, что бы я ни могъ сказать, едва бы представило вамъ тѣнь понятія? Это та самая *Еѳіопія*, которую здѣсь ученый мой другъ населяетъ человѣческими чудовищами, толь прекраснаго отечества совсѣмъ недостойными. Однако онъ не можетъ со мною не признаться въ истиннѣ того, что во всей Еѳіопіи и Ливіи, хотя сіи имена заключаютъ множество различныхъ народовъ, нѣтъ ни одного человѣка, которой бы не тамъ же имѣлъ носъ, гдѣ и мы, не столькожъ имѣлъ глазъ

и ушей, сколько и мы: одним словомъ —

Въ сїю минуту отъ глубокаго вздоха, каковымъ печалїю или удовольствїемъ стѣсненное сердце старается подать себѣ отраду, поднялась грудь у прекрасной Абдеритянки, которая, въ продолженїи повѣсти Демокритовой, попала въ сновидѣнїи, въ коемъ мы не рѣшились за нею присматривать, (по видимому), на такое обстоятельство, въ которомъ сердце ея тѣмъ или другимъ образомъ весьма живое принимало участїе. Поелику же прочїя изъ присутствующихъ не могли знать, что сїя дама была въ разстоянїи на нѣсколько сотъ миль отъ Абдеры, подъ однимъ Еѳiопскимъ

скимъ розовымъ деревомъ, плавала въ морѣ сладчайшихъ ароматъ, слышала тысячу новыхъ птицъ, воспѣвающихъ щастїе любви, видѣла тысячу пестрыхъ попугаевъ, предъ глазами ея порхающихъ, и въ добавокъ лежащаго у ногъ ея юношу съ желтыми кудрями и алыми устами, — то натурально, что всѣхъ помянутой вздохъ привелъ въ удивленїе. Никто не могъ понять того, чтобъ послѣднїя слова Демокритовы были причиною такого дѣйствїя. Что вамъ сдѣлалось, *Лизандра*? вскричали Абдеритянки единогласно, обступивъ вокругъ ея съ великою заботливостїю. Прекрасная Лизандра въ сїю минуту вспомнивъ опять, гдѣ она находилась, покраснѣла и увѣ-

увѣряла, что съ нею ничего не приключилось. Демокритъ, которой началъ замѣчать слѣдствія своего разговора, ручался имъ, что отъ свѣжаго воздуха тотчасъ все минется; но въ сердцѣ своемъ вознамѣрился всѣ картины свои писать одинакою краскою, какъ живописцы Ѳракійскіе. Праведные боги, думалъ онъ! какое воображеніе имѣютъ сіи Абдеритянки?

И такъ любопытныя мои красавицы, продолжалъ Демокритъ, какогобъ вы думали цвѣту жители толь превосходной земли?

„Какого цвѣту? — Для чегожъ бы они имѣли другой цвѣтъ, нежели прочіе люди? Не сказали ли вы намъ, что у нихъ носъ среди лица, и

что они съ ногъ до головы таковы, какъ мы Греки?,,

Люди, безъ сомнѣнія; но развѣбъ они менѣе могли называться людьми, когдабъ были чернаго или оливковаго цвѣту?

,,Что вы подъ симъ разумѣете?,,

Я разумѣю, что прекрасные между Еѳіопскими народами (тѣ, кои по нашему вкусу суть прекрасны, то есть, всѣхъ болѣе на насъ походятъ), весьма смуглы какъ Египтяне, и тѣ, кои живутъ далѣе на твердой землѣ и въ самыхъ полуденныхъ странахъ, съ ногъ до головы такъ черны и еще нѣсколько чернѣе, нежели Абдеритскія вороны.

,,Что

„Что вы говорите! — И не пугаются тѣ люди, когда одинъ другаго увидятъ?„

Не пугаются ли? А чегожъ? Они весьма другъ другу нравятся своею вороньею чернотою, находя, что ничего не можетъ быть прекраснѣе.

„Ахъ! какъ это весело, — вскричали Абдеритянки! — Будучи черны по всему тѣлу, какъ будтобъ наведены смолою, мечтаютъ они еще о красотѣ! Какой глупой народъ! Развѣ нѣтъ у нихъ никакихъ живописцевъ, которыебъ могли изобразить имъ Аполлона, Бахуса, богиню любви и Грацій? Или не могли ли бы они научиться уже отъ Гомера, что Юнона имѣетъ бѣлыя руки, Ѳетида

 сере-

серебряныя ноги, и Аврора розовые пальцы?„

Сïи добрые люди, отвѣчалъ Демокритъ, не имѣютъ никакого Гомера; или, естьли какого и имѣютъ, то мы можемъ твердо положиться, что его Юнона имѣетъ руки черныя, какъ уголь. О живописцахъ же я ничего въ Еѳiопiи не слыхалъ. Но я видѣлъ дѣвушку, которой красота между ея соотечественниками почти столь же много причинила бѣдствiя, сколько дщерь Леды между Греками и Троянами; и сïя Африканская Елена была чернѣе сажи.

„О! пожалуйте опишите намъ это чудовище красоты!„ — вскричали Абдеритянки, кои по весьма натуральной причинѣ находили въ семъ

раз-

разговорѣ несказанное удовольствіе.

Трудно вамъ будетъ сдѣлать себѣ о томъ понятіе. Представьте себѣ совсѣмъ противное тому, что Греки о красотѣ думаютъ; величину Граціи, а толщину Цереры; черные волосы, но не въ долгихъ кудряхъ, по плечамъ развѣваемыхъ, а въ короткихъ и отъ природы курчавыхъ, какъ овечья шерсть; лобъ широкой и выпуклой; носъ маленькой, къ верьху вздернувшійся, и посреди хряща плоско стиснутый; щеки надутыя какъ у трубача, когда онъ играетъ, ротъ большой —

(*Филинна* улыбнулась, дабы показать, что у ней ротъ маленькой).

Губы претолстыя и отвислыя, и два ряда зубовъ какъ нитки съ бусами —

(Красавицы всѣ до одной засмѣялись, хотя не имѣли никакой другой причины, какъ только чтобы показать собственные свои зубы; ибо чемужъ бы тутъ иному смѣяться?)

„А глаза ея?„ спросила *Пизандра*.

О! что до нихъ касается, то они были такъ малы и мутны, что я долго не могъ рѣшиться признать ихъ за красивые. —

„Кажется, что Демокритъ привязанъ къ похваляемымъ Гомеромъ глазамъ *коровьимъ*, „ сказала Мирида, бросивъ насмѣшливой взглядъ на красавицу съ большими глазами,

въ

Въ самомъ дѣлѣ (отвѣчалъ Демокритъ съ такимъ видомъ, изъ котораго глухой могъ бы заключить, что онъ говоритъ съ ласкательною учтивостію,) красивые глаза должны быть весьма велики, когда я ихъ такими признать долженъ; и они, по моему мнѣнію, чѣмъ менѣе, тѣмъ дурнѣе.

Прекрасная *Лизандра* кинула торжественной взоръ на своихъ подругъ, и по томъ большіе глаза свои, изъявляющіе совершенное удовольствіе, устремила на щастливаго Демокрита.

„Можно ли знать, что „вы подъ красивыми глазами „разумѣете?„ спросила маленькая *Мирида*, навостривъ примѣтно носикъ.

Взоръ

Взоръ прекрасной *Пизандры*, казалось, говорилъ ему: вамъ нѣчего безпокоиться о томъ, что отвѣтствовать на сей вопросъ.

Я разумѣю подъ ними глаза, изображащїе красивую душу, сказалъ Демокритъ.

Пизандра растерялась въ умѣ, услышавъ нѣчто неожидаемое, и не будучи въ состоянїи на то прїискать никакого отвѣта. Красивая душа! — вскричали Абдеритянки всѣ вмѣстѣ! — Какїя чудеса вывезъ онъ изъ отдаленныхъ земель! Красивая душа! Это еще выше и превосходнѣе его обезьянъ и попугаевъ!

„Однако, со всѣми сими тонкостями, сказалъ толстопузой совѣтникъ, мы отступаемъ отъ главной матерїи.

Мнѣ

Мнѣ кажется, что рѣчь была о прекрасной Еленѣ Еѳіопской, и я бы желалъ послушать, что тамошніе жители могли въ ней находить толь прекраснаго.„

В е, отвѣчалъ Демокритъ.

„Такъ по этому они со„всѣмъ не имѣютъ понятія о „красотѣ,„ сказалъ ученой.

Извините, отвѣчалъ повѣствователь; поелику сія Еѳіопская Елена была предметомъ всѣхъ желаній, то навѣрно заключить можно, что она сходствовала съ *идеею о красотѣ*, которую всякой находилъ въ своемъ воображеніи.

„*Такъ вы послѣдователь* „*Парменида?*„ сказалъ ученой, выступивъ противъ него

него въ боевой порядокъ (*). Нѣтъ! я не болѣе, какъ последователь самому себѣ, который весьма мало значитъ, отвѣчалъ полуиспуганный Демокритъ. Естьли васъ слово *идея* огорчаетъ, то позвольте мнѣ изъясниться иначе. Прекрасная *Гуллеру*, такъ называли черную дѣвушку, о которой мы говоримъ —

Гуллеру? вскричали Абдеритянки, помирая со смѣху; *Гуллеру*! какое имя! — Чтожъ послѣдовало съ вашею прекрасною Гуллеру? спросила востроносая *Мирида*, съ такимъ взгля-

(*) *Парменидъ Элеатической* почитается изобрѣтателемъ ученія объ *идеяхъ* или существенныхъ образцахъ предметовъ, кои Платонъ принялъ въ свою систему, и присвоилъ себѣ такъ, что ихъ обыкновенно называютъ по его имени.

взглядомъ и такимъ тономъ, которой еще втрое былъ вострѣе ея носа.

Когда вы мнѣ сдѣлаете честь вашимъ посѣщенїемъ, отвѣтствовалъ философъ съ непринужденною учтивостїю, то вы узнаете, что съ прекрасною Гуллеру послѣдовало. А теперь я этому господину долженъ сдержать свое слово. И такъ видъ прекрасной Гуллеру —

(*Прекрасной Гуллеру*, повторили Абдеритянки, и захохотали снова, не могши однакожъ прервать въ сей разъ Демокритовой повѣсти)

— Поселилъ къ ея нещастїю въ молодыхъ людяхъ, ея соотчичахъ, сильнѣйшую страсть. Сїе, кажется, доказываетъ, что ее нашли *красивою*;

и безъ сомнѣнія причина, по которой ее нашли красивою, заключалась во всемъ томъ, для чего ее не почитали *дурною* И такъ Еѳіопяне нашли *различіе* между тѣмъ, что имъ казалось *красиво* и что *некрасиво*; и естьли десять разныхъ Еѳіопянъ въ своемъ сужденіи о сей Еленѣ были *согласны*, то сіе чаятельно отъ того происходило, что они о красотѣ и дурнотѣ *одинаковыя понятія* имѣли.

„ Это не слѣдуетъ; (сказалъ ученой Абдеритъ) не „ могъ ли изъ десяти всякой „ найти въ ней другое что „ нибудь любви достойное? „

Сіе не невозможно; однако ничего противъ меня не доказываетъ Положимъ, что одинъ находилъ бы удивленія

достойными *маленькїе глаза* ея, другой *отдутловатыя губы*, третїй *длинныя ея уши*: однако и сїе всегда предполагаетъ сравненїе между ею и другими Еѳїопскими красавицами. Прочїя имѣли также глаза, уши и губы, какъ и Гуллеру. Почему естьли у ней находили ихъ красивѣе, то надлежало имѣть какой нибудь *образецъ* красоты, съ которымъ бы на пр. можно было сравнивать *ея* глаза и глаза *другихъ*; а сїе есть все то, что я хотѣлъ сказать подъ словомъ *воображенїя*.

„Между тѣмъ (отвѣчалъ „ученой,) вы не захотите „утверждать, что эта Гулле„ру вообще была *прекраснѣе* „всѣхъ черныхъ дѣвушекъ пре„жде ея, въ ея время, и послѣ

„нее бывшихъ? Я разумѣю „прекраснѣе въ сравненіи съ „тѣмъ образцомъ, о кото- „ромъ вы говорили.„

Я не знаю, почемубъ я долженъ былъ утверждать это, отвѣчалъ Демокритъ.

„Но могла ли находить- „ся такая, у которой на „пр. глаза были еще меньше, „губы еще толще, и уши „еще длиннѣе?„

Статься можетъ, сколько я знаю.

„И въ разсужденіи сихъ послѣднихъ безъ сомнѣнія тоже самое предполагать можно до безконечности. Почему Еѳіопяне не имѣли *въ красотѣ* никакого *образца*; естьли не сказать, что можно себѣ представить безконечно малые глаза, безконечно толстыя

етыя губы и безконечно длинныя уши?,,

Куда какъ тонки ученые Абдериты! думалъ просебя Демокритъ. Естьли я допустилъ, говорилъ онъ, что можетъ находится черная дѣвушка, у которой глаза менѣе, или губы толще, нежели у Гуллеру, то еще не сказалъ того, что сія черная дѣвушка должнабы была Еѳіопянамъ *красивѣе* показаться, нежели Гуллеру. Красивое имѣетъ необходимо *опредѣленную мѣру*, и что ее *превосходитъ*, отдаляется отъ онаго столькожъ, какъ и то, что *не подходитъ* подъ оную. Когда Греки въ величинѣ глазъ и въ малости рта полагаютъ часть совершенной красоты, то кто выведетъ

изъ того заключенїе, что женщина, коей зрачки имѣли бы поперешникъ въ большой палецъ, или коей бы ротъ былъ такъ малъ, что съ трудомъ бы можно было впустить въ него соломинку, должна бы была отъ Грековъ почесться гораздо красивѣйшею?

Абдеритъ былъ побѣжденъ, какъ видѣть можно, и сїе почувствовалъ. Однако ученой мужъ въ Абдерѣ согласился бы дать себя скорѣе удушить, нежели въ чемъ нибудь такомъ признаться. Къ сему же не было ли тамъ Филинъ и Лизандръ и малорослаго пузастаго совѣтника, въ коихъ мнѣнїи о его разумѣ имѣлъ ученый нужду? И сколь мало стоило ему склонить Абдеритовъ и Абдеритя-

тянокъ на свою сторону? — Въ самомъ дѣлѣ вдругъ не зналъ онъ, что говорить. Но въ твердой надеждѣ, что ему вспадетъ еще что нибудь на умъ, отвѣчалъ онъ между тѣмъ насмѣшливою улыбкою, означающею вмѣстѣ, что онъ доводы своего соперника презираетъ, и что намѣренъ сдѣлать ему рѣшительной отпоръ. „ Возможно ли, вскричалъ онъ наконецъ съ такимъ тономъ, какъ будтобъ то былъ отвѣтъ на послѣднюю рѣчь Демокритову (*), можете ли вы во мнѣніи вашемъ, противномъ общему, такъ далеко простираться, чтобъ въ виду сихъ красавицъ утверждать, что такая тварь, ка-

 кою

(*) Весьма обыкновенная ухватка Абдеритскихъ ученыхъ и критиковъ.

кою вы намъ сїю Гуллеру описали, есть Венера?,,

Вы позабыли, отвѣчалъ Демокритъ весьма равнодушно, что рѣчь была ни обо мнѣ, ни о сихъ красавицахъ, но объ Еѳїопянахъ. Я ничего не утверждалъ, а расказывалъ только, что я видѣлъ. Я описывалъ вамъ красоту по Еѳїопскому вкусу, и не виноватъ въ томъ, когда Греческое безобразїе есть въ Еѳїопїи красота. Также не вижу, какоебъ я могъ имѣть право, рѣшить между Греками и Еѳїопами. Я думаю, что тѣ и другїе, можетъ статься, имѣютъ свое право.

При сихъ словахъ Философа подняли всѣ присутствующїе такой громкой смѣхъ, какой бываетъ, когда кто

скажетъ что нибудь безтолковое и нелѣпое.

„Дайте выслушать, дайте пожалуйте выслушать, вскричалъ толстой совѣтникъ, поддерживая свое пузо обѣими руками, что нашъ землякъ заговоритъ въ доказательство того, что тѣ и другïе имѣютъ право! Я весьма люблю слушать, когда что нибудь такое утверждаютъ. Да за чѣмъ же бы васъ и держать ученыхъ господъ? — *Земля кругла; снѣгъ черенъ; мѣсяцъ вдесятеро больше всего Архипелага; Ахиллесъ на бѣгу не можетъ догнать никакой улитки.* — Не правда ли, господинъ *Антистрепсïадъ*? — Не правда ли господинъ Демокритъ? — Видите ли, что и я от-

отчасти посвящен въ ваши таинства. Ха, ха, ха!,,

Всѣ Абдериты и Абдеритянки по симпатіи принялись хохотать снова; и Г. *Антистрепсіадъ*, которой намѣревался у забавнаго совѣтника отъужинать, во удовольствіе подкрѣпилъ всеобщій смѣхъ громкимъ рукоплесканіемъ.

ГЛАВА V.

Нечаянная развязка узла съ нѣсколькими новыми примѣрами Абдеритской остроты.

Демокритъ былъ въ духѣ позабавить себя Абдеритами, и Абдеритовъ собою. Будучи столько уменъ, что не огорчался невѣжествомъ

какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особо, могъ онъ весьма терпѣливо сносить, когда о немъ думали, что въ немъ умъ за разумъ зашелъ, и что онъ въ природной Абдеритамъ остротѣ растерялся во время долгаго своего странствованія, и уже ни къ чему другому не сдѣлался способнымъ, какъ только подавать имъ случай сколько нибудь посмѣяться его замысламъ и бреднямъ. Почему, когда смѣхъ, причиненный острою мыслію толстаго совѣтника, наконецъ прекратился, продолжалъ Демокритъ съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ говорить о томъ, въ чемъ маленькой весельчакъ прервалъ его.

Не то ли я сказалъ, когда Греческое безобразïе есть въ Еѳiопiи красота, то можетъ быть обѣ стороны имѣютъ право?

„Такъ точно, вы это сказали. и должны за себя постоять.„

Естьли я сказалъ, то и утверждать долженъ; это вить разумѣется господинъ Антистрепсiадъ?

„Естьли можете.„

Развѣ я не Абдеритъ же? А притомъ нужно мнѣ доказать здѣсь только половину моего положенiя, дабы все было доказано: ибо что Греки думаютъ справедливо, то не требуетъ доказательства; это такое дѣло, которое въ Греческихъ головахъ уже давно рѣшено. Но

что

что и Еѳїопяне также правильно думають, что подвержено затрудненїю! Естьлибъ я хотѣлъ защищать себя обманчивыми заключенїями (софизмами), или довольствоваться тѣмъ, чтобъ соперниковъ сдѣлать нѣмыми, не увѣривъ ихъ, то бы я, какъ стряпчїй Еѳїопской Венеры, весь спорной запросъ предоставилъ рѣшить *внутреннему чувству*. Для чего, сказалъ бы я, называютъ люди то или другое изображенїе, тотъ или другой цвѣтъ красивымъ? Потому что оной имъ нравится. Хорошо; но почему онъ нравится имъ? Потому что онъ имъ прїятенъ. Почемужъ прїятенъ? — О! государь мой, сказалъ бы я, вы должны наконецъ перестать спрашивать,

или — я перестану отвѣчать. Вещь намъ пріятна, потому что она — дѣлаетъ въ насъ такое впечатлѣніе, которое намъ пріятно Я вызываю всѣхъ вашихъ тонкихъ изыскателей показать лучшее основаніе. И такъ смѣшно бы было хотѣть переспорить кого нибудь, что то ему не пріятно, что ему пріятно; или доказывать ему, что онъ ошибается, любя то, что дѣлаетъ въ немъ любимое впечатлѣніе. И такъ, *когда* видъ Гуллеру его глазамъ милъ, то онъ ему нравится, а когда онъ ему нравится, то онъ называетъ его красивымъ, кромѣ когдабъ на его языкѣ не было такого слова.

„И когдабъ — *когдабъ* „кто нибудь ума рехнувшись

„ ло-

„ лошадиныя г . . . . съѣлъ вмѣ-
„ сто персиковъ?„ сказалъ
Антистрепсіадъ.

„ Лошадиныя г... вмѣсто
„ персиковъ! — Браво сказано
„ по чести! браво, вскричалъ
„ совѣтникъ. Разгрызите-
„ ка это господинъ Демо-
„ критъ?„ —

„Фи, фи, Демокритъ, ше-
„ петила прекрасная *Мирида*,
„ держась рукою за носъ; кто
„ будетъ говорить о лошади-
„ ныхъ г....? Пощадите по
„ крайней мѣрѣ наше обоня-
„ ніе!„

Всякъ можетъ видѣть, что
прекрасная *Мирида* должна бы
была съ такимъ упрекомъ обо-
ротиться къ остроумному
Антистрепсіаду, которой пер-
вой предложилъ лошадиныя
г...., и къ совѣтнику, кото-
рой

рой отъ Демокрита требовалъ, чтобъ онъ ихъ сгрызъ. Однако сїе клонилось къ тому, чтобъ надъ Демокритомъ повеселиться. Инстинктъ или внутреннее побужденїе во всѣхъ присутствующихъ заступило мѣсто уговора; и Мирида не могла упустить сего благопрїятнаго случая къ навѣткамъ, дабы зубоскаловъ склонить на свою сторону. Ибо то самое обстоятельство, что Демокритъ, и безъ того довольно нагловавшїйся лошадиныхъ г.... Антистрепсїадовыхъ, въ добавокъ получилъ еще за то упрекъ, показалось Абдеритамъ и Абдеритянкамъ такъ весело, что они всѣ вмѣстѣ начали смѣяться, и такъ кобенились, какъ будтобъ Философъ

софъ былъ на голову побитъ, и никакъ уже приподняться не можетъ.

Всякая крайность предосудительна. Доброй Демокритъ, хотя изъ дватцатилѣтняго странствованія много узналъ, однако съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Абдеры, не попадалось ему Абдеры другой; и такъ возвратясь въ нее, сомнѣвался онъ иногда минуту или двѣ *находится ли онъ гдѣ нибудь?* Какъ же можно было съ такими людьми раздѣлаться?

„Ну дядя? — говорилъ „совѣтникъ, ни какъ нейдутъ „въ душу лошадиныя-та г.... „Антистрепсіадовы? Ха, ха, „ха!„

Сей замыслъ былъ по Абдеритскому вкусу, такъ что

что пересилилъ нѣжное чувство всѣхъ выгнутыхъ, тупыхъ, четвероугольныхъ и острыхъ носовъ въ компанїи.

Писканье дамъ хи, хи, хи! смѣшалось съ грохотомъ мущинъ ха, ха, ха!

Вы выиграли, вскричалъ Демокритъ; и въ знакъ того, что я умѣю положить свое оружїе, должны вы увидѣть, заслуживаю ли я честь быть вашимъ землякомъ и дядею. По томъ съ такимъ искусствомъ, въ какомъ не подходилъ къ нему ни одинъ Абдеритъ, началъ онъ съ самой нижней ноты, постепенно поднимаясь въ одинъ голосъ съ хи, хи! Абдеритскихъ красавицъ, смѣяться такъ, что доколѣ Абдера стояла на Ѳракїйской

зем-

землѣ, подобнаго сему никогда не слыхано было.

Сначала дамы показали видъ, будто онѣ хотятъ остепениться; однако не было мочи отстать отъ возвышенія въ голосѣ. Они наконецъ были имъ увлекаемы, какъ быстрою рѣкою; и поелику присоединилась къ тому еще сила прилипчивости, то вскорѣ дѣло уже не походило на шутку. Женщины со слезами въ глазахъ просили пощады; однако Демокритъ не имѣлъ слуха, и смѣхъ усиливался; наконецъ, казалось, склонился онъ, дать имъ время отдохнуть; но въ самомъ дѣлѣ единственно для того, чтобъ они мученіе, отъ него опредѣленное, гораздо долѣе переносить могли. Ибо едва они перевели дыха-

нїе, то началъ онъ снова хохотать съ подхватомъ тѣмъ же тономъ, одной терцїею выше, вмѣшивая толь много трѣлей и скатовъ, что даже наморщенные засѣдатели адскаго судилища, Миной, Эакъ и Радамантъ, въ своемъ нарядѣ не сдержали бы своего важнаго вида.

По нещастїю двѣ или три изъ нашихъ красавицъ не подумали привести себя въ безопасность отъ всѣхъ возможныхъ слѣдствїй толь сильнаго потрясенїя въ тѣлѣ. Стыдъ и природа боролись съ жизнїю и смертїю въ бѣдныхъ дѣвушкахъ. Тщетно просили они устами и глазами неумолимаго Демокрита о милости; тщетно крѣпились и побуждали отъ смѣху совсѣмъ ослабѣвшїя жилы къ последне-

му

му напряженію. Тиранническая природа превозмогла, и въ ту минуту полъ въ залѣ, гдѣ находилось собраніе, покрылся * * * * * *

Ужасъ отъ толь непредвидѣннаго явленія натуры (тѣмъ удивительнѣйшаго, когда всеобщее изумленіе Абдеритскихъ красавицъ повидимому доказывало, что это было *дѣйствіе безъ причины*,) остановилъ смѣющихся на нѣсколько минутъ, дабы тотчасъ въ сугубою силою опять надрываться. Натурально, облегчившіяся красавицы старались всячеки особенное участіе, каковое они въ семъ произшествіи имѣли, сокрыть кривляніями изумленія и омерзѣнія, и заставляли думать на безвинныхъ ихъ сосѣдокъ,

 кои

кои не кстати, а по неволѣ краснѣясь, незаслуженное подозрѣнiе на себя тѣмъ паче подтверждали. Смѣшные перекоры, между ими начавшiеся; Демокритъ и Антистрепсiадъ, кои умышленно тутъ же вмѣшались, и ироническими утѣшенiями еще болѣе раздражали гнѣвъ тѣхъ, кои чувствовали, что они невиноваты; и въ срединѣ между ими малорослой толстинькой совѣтникъ, которой помирая со смѣху кричалъ, *что онъ не хотѣлъ бы на этотъ вечеръ помѣняться и половиною Ѳракiи*: все сiе вмѣстѣ составляло такое зрѣлище, которое достойно бы было кисти *Гогартовой*, естьлибъ тогда уже Гогартъ находился.

Мы

Мы не можемъ сказать, какъ долго оное продолжалось: ибо одна изъ добродѣтелей Абдеритовъ есть та, *что они переставать не могутъ*. Но Демокритъ, у котораго все имѣло свое время, думалъ, что безконечная комедія есть скучнѣйшая изъ всѣхъ забавъ. И такъ онъ весьма терпѣливо отступился ото всего, что могъ бы сказать въ оправданіе Еѳіопской Венеры, естьлибъ имѣлъ дѣло съ тварями разумными, пожелалъ Абдеритамъ и Абдеритянкамъ — чего они не имѣли, и пошелъ домой, не мало удивляясь *хорошей компаніи*, которой не льзя избѣжать, ежели надобно — посѣтить совѣтника въ Абдерѣ.

ГЛАВА VI.

Случай для читателя, колеблющiяся отъ предыдущей главы свои мысли опять успокоить.

Добрая, непритворная, кроткая *Гуллеру*, — сказалъ Демокритъ, пришедши домой, одной благовоспитанной съ курчавыми волосами черной дѣвушкѣ, которая выбѣжала къ нему на встрѣчу съ распростертыми руками — поди въ мои объятiя, честная Гуллеру! хотя ты черна, какъ богиня ночи; волосы твои волнисты, и носъ плоской; глаза твои малы, уши велики, и губы твои подобны распукнувшей гвоздикѣ. Но сердце твое чисто, искренно, радостно, и чувствуетъ со всею природою.

Ты

Ты не думаешь никогда худова, не говоришь никогда сумазброднова, не мучишь ни другихъ, ни себя самой, и не дѣлаешь ничего, въ чемъ бы ты признаться не осмѣлилась. Душа твоя безъ лести, такъ какъ твое лице безъ румянъ. Ты не знаешь ни зависти, ниже удовольствія при другихъ нещастіи; и никогда твой честной плоской носъ не наморщивался, чтобъ язвительно посмѣяться надъ какою нибудь изъ подобныхъ тебѣ тварей, или привесть ее въ крайнее замѣшательство. Не заботясь о томъ, нравишься ли ты или не нравишься, живешь, облекшись въ свою невинность, въ мирѣ сама съ собою и со всею природою; всегда спо-

собна производить и сама чувствовать веселїе, и достойна того, чтобъ сердце супруга покоилось въ твоихъ объятїяхъ! Добрая, нѣжная Гуллеру! я могъ бы назвать тебя другимъ именемъ; могъ бы назвать именемъ прекраснымъ, звонкимъ Греческимъ на *ане* или *иде*, *арїонъ*, или *эрїонъ*; но твое имя довольно прекрасно, потому что твое; и я не есмь Демокритъ, ежели не придетъ время, въ которомъ каждое честное, доброе сердце полюбитъ имя Гуллеру!

Гуллеру не много поняла изъ того, что Демокритъ сими съ чувствомъ произнесенными словами сказать хотѣлъ; однако видѣла, что его сердце излилось, а

по

потому и выразумѣла столько, сколько ей было нужно.

„ А кто такова была сїя Гуллеру? не жена ли его?

Нѣтъ.

„ Его наложница? „

Нѣтъ.

„ Его раба? „

Судя по платью не льзя заключить? „

„ Да какъ же была она одѣта? „

Такъ хорошо, что могла бы представлять придворную дѣвицу *Королевы Савской*. Нитки крупнаго чистаго жемчугу между локанами, на шеѣ и на рукахъ; платье въ прекрасныхъ сборахъ, изъ тонкаго жаркаго атласа съ разноцвѣтными полосами; опоясана богато вышитымъ поясомъ, на концѣ съ изумрудовою петлицею;

цею; и — все ли пересказать можно —

„Нарядъ былъ довольно богатъ.„

По крайней мѣрѣ можете вы повѣрить мнѣ въ томъ, что на нее на такую, какова она была, ни одинъ Принцъ *Сенегальской*, *Ангольской*, *Гамбійской*, *Конгской* и *Лоангской* не взглянулъ бы равнодушно.

„Но —„

Я вижу, что вы еще не кончили своихъ вопросовъ. — Ктожъ была сія Гуллеру? Была ли она та самая, о которой прежде сказано? Какъ пришелъ къ ней Демокритъ? На какомъ основаніи жила она въ его домѣ? — Я признаюсь, что сіи вопросы весьма справедливы, но отвѣтствовать

вать на нихъ не вижу я теперь никакой возможности. Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ показать себя здѣсь молчаливымъ, или чтобъ тутъ крылась особенная какая тайна. Причина, для которой не могу я на нихъ отвѣтствовать, есть самая простая. Тысяча писателей находятся тысячу разъ въ подобномъ случаѣ, но изъ тысячи едва бываетъ одинъ столь чистосердеченъ, чтобъ въ такихъ случаяхъ открыть истинную причину. Сказать ли вамъ свою? Вы признаетесь, что она не заслужитъ никакого возраженія. Ибо, однимъ словомъ, — я не знаю самъ ни одного слова изо всего того, что вы отъ меня знать хотите; и какъ я не пишу

исторіи прекрасной Гуллеру, то вы понять можете, что я въ разсужденіи сей дамы ни къ чему не обязанъ. Естьли впредь (чего я предвидѣть не могу), откроется случай о Демокритѣ или о ней самой свѣдать что нибудь обстоятельнѣе: то положитесь на то, что вы все узнаете отъ слова до слова.

ГЛАВА VII.

Патріотическая любовь Абдеритовъ. Отличная ихъ приверженность къ Аѳинамъ, ихъ прежней родинѣ. Два примѣра ихъ Аттическаго вкуса, и непріятнаго чистосердечія мудраго Демокрита.

Демокритъ не прожилъ еще одного мѣсяца между Абдеритами, какъ сдѣлался *имъ*,

а иногда и они *ему*, уже столько несносными, сколько должны сдѣлаться другъ другу такїе люди, которые въ понятїяхъ и склонностяхъ своихъ ежеминутно между собою не сходствуютъ.

Абдериты заражены были о себѣ самихъ, о своемъ городѣ и республикѣ чрезвычайнымъ мнѣнїемъ. Невѣжество ихъ во всемъ томъ, что бы внѣ ихъ области ни было, или что бы ни происходило въ свѣтѣ достопамятнаго, было вмѣстѣ причиною и плодомъ сего смѣшнаго мечтанїя. А изъ сего весьма естественно слѣдовало то, что они не могли себѣ совсѣмъ представить, какъ могло что либо быть справедливо или благопристойно или хорошо, еже-

ли

ли было иначе, нежели въ Абдерѣ, или когда въ Абдерѣ о томъ совсѣмъ ничего не знали. Понятїе, которое понятїямъ *ихъ* противорѣчило, обыкновенїе, которое отъ обыкновенїя *ихъ* отступало, образъ мыслить или на что нибудь смотрѣть, которой для нихъ былъ чуждъ, назывался безъ дальнѣйшаго изслѣдованїя нелѣпымъ и достойнымъ посмѣянїя. Сама природа свернулась для нихъ въ тѣснѣйшїй кругъ собственной своей дѣятельности; и хотя они не такъ далеко дошли, дабы по примѣру *Японцевъ* воображать себѣ, что внѣ Абдеры живутъ только дьяволы, привидѣнїя и чудовища; однако смотрѣли по крайней мѣрѣ на остатокъ земнаго круга и его оби-

обитателей, какъ на предметъ недостойной ихъ вниманія; и естьли имъ по случаю удавалось, видѣть или слышать что нибудь чужестранное, то не умѣли они ничего болѣе дѣлать, какъ только надъ тѣмъ смѣяться, поздравлять самихъ себя, что они не таковы, какъ другіе люди. Сіе простиралось такъ далеко, что они не почитали того за *добраго гражданина*, которой въ другомъ мѣстѣ замѣчалъ лучшія распоряженія и обычаи, нежели въ своей отчизнѣ. Кто хотѣлъ имѣть щастіе имъ понравиться, тотъ долженъ былъ вообще такъ говорить и дѣлать, какъ будтобъ городъ и республика Абдеритская, со всѣми ея принадлежностями, свойствами и слу-

случайностями не имѣла никакихъ недостатковъ, и была образцемъ всѣхъ республикъ.

Изъ сего презрѣнія ко всему тому, что не называлось Абдеритскимъ, исключенъ былъ одинъ городъ *Аѳины*; но и оной уповательно только для того, что Абдериты, какъ прежніе *Теяне*, оказывали ему честь, признавая его своею родиною. Они гордились тѣмъ, что ихъ городъ почитали за *Ѳракійскія Аѳины*; и хотя оному сіе имя придавано было не иначе, какъ въ насмѣшку, однакожъ они никакого ласкательства не слушали съ большимъ удовольствіемъ, какъ сіе. Они старались у Аѳинянъ все перенимать; и перенимали точно такъ — какъ обезьяны у людей.

дей. Они желая показать себя замысловатыми и остроумными, по всеминутно дѣлались смѣшными; важныя дѣла отправляли легкомысленно, а ребяческія съ размышленіемъ; народъ или совѣтъ свой собирали для каждой бездѣлки дватцать разъ, дабы говорить длинныя и безтолковыя рѣчи въ защищеніе и опровержение о такихъ вещахъ, каковыя одинъ человѣкъ при посредственномъ разумѣ рѣшилъ бы въ четверть часа лучше ихъ. Они безпрестанно наполнены были умоначертаніями о изобрѣтеніи украшеній и велелѣпія; и сколь часто что нибудь предпринимали, то всегда при половинѣ дѣла узнавали, что оное превосходитъ ихъ силы; они

полу-Ѳракїйской языкъ шпиковали Аттическими реченїями; не имѣя ни малѣйшаго вкуса, оказывали безмѣрную страсть къ художествамъ, и всегда болтали о живописцахъ, статуяхъ, музыкѣ, витїяхъ и стихотворцахъ, хотя не было у нихъ никогда живописца, ваятеля, витїи или стихотворца, которой бы стоилъ сего имени; они строили храмы, кои походили на бани, и бани, кои походили на храмы; исторїю Вулкановой сѣти велѣли написать на картинѣ для своей ратуши, а великой совѣтъ Грековъ объ отдачѣ прекрасной *Хризеи* на картинѣ для своей Академїи; они ходили въ комедїи, гдѣ ихъ заставляли плакать, и въ трагедїи, гдѣ заставляли ихъ

смѣ-

смѣяться; въ сихъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ другихъ думали они — что они *Аѳиняне*, хотя были — *Абдериты*.

„Какое высокое мыслей пареніе въ сихъ стишкахъ, которые *Физигнатъ* сочинилъ на мою *перепелку*! сказала одна Абдеритянка. Тѣмъ хуже! отвѣчалъ Демокритъ.

Посмотрите, говорилъ первой *Архонтъ Абдеритской*, наружной видъ сего строенія, которое мы опредѣлили для нашей оружейной палаты? Онъ изъ лучшаго Пароскаго мрамору. Признайтесь, что вы не видали работы превосходнѣйшаго вкуса!

Надобно думать, что онъ республикѣ дорого стоитъ, отвѣчалъ Демокритъ.

Что республикѣ честь дѣлаетъ, то никогда не дорого, сказалъ Архонтъ, которой въ сїю минуту чувствовалъ себя вторымъ Периклομъ; я увѣренъ, Демокритъ, что вы знатокъ: ибо вы во всемъ находите всегда что нибудь достойное порицанїя. Пожалуйте найдите мнѣ недостатокъ въ семъ видѣ?

Тысячу драхмъ за недостатокъ, Господинъ Демокритъ, вскричалъ одинъ молодой господчикъ, которой имѣлъ честь быть племянникомъ Архонтовымъ, и не задолго возвратился изъ Аѳинъ, гдѣ онъ изъ Абдеритскаго фали за половину своего наслѣдства сдѣлался Аттическимъ повѣсою.

Видъ прекрасенъ, сказалъ Демокритъ весьма скромно; такъ прекрасенъ, что онъ былъ бы такимъ и въ Аѳинахъ или въ Коринѳѣ, или въ Сиракузахъ. Я усматриваю, есть-ли позволено будетъ сказать, только одинъ недостатокъ въ семъ великолѣпномъ зданіи?

„Одинъ недостатокъ?„ — говорилъ Архонтъ, съ такою миною, какую могъ показывать только *Абдеритъ*, когда былъ *Архонтомъ*.

Одинъ недостатокъ! одинъ недостатокъ! повторялъ молодой повѣса, захохотавъ громко.

„Смѣю ли спросить, Де„мокритъ, какъ вашъ недос„татокъ называется?„

Бездѣлка, отвѣчалъ Демокритъ; ничего больше, кромѣ

того, что на такой прекрасной фасадъ смотрѣть не можно.

„Не льзя смотрѣть? „а почемужъ такъ?„

Такъ подлинно, клянусь вамъ Анубисомъ! Какъ хотите вы, чтобъ смотрѣть на него изъ за ветхихъ и худо построенныхъ домишковъ и анбаровъ, которые здѣсь вокругъ разставлены между глазами зрителей и вашимъ фасадомъ?

„Сїи домы стояли еще „за долго предъ тѣмъ, какъ „вы и я родились,„ сказалъ Архонтъ.

Такїе разговоры, доколѣ Философъ жилъ между ими, бывали каждые дни, часы и минуты.

„Какъ вы находите этотъ „пурпуръ, Демокритъ? Вы бы„ли въ *Тирѣ*; не правда ли?„

Я конечно былЪ тамЪ, сударыня, но не былЪ тамЪ этотЪ пурпурЪ; это *кармазинЪ*, которой Сиракузяне вывезли для васЪ изЪ Сардинїи, и продали за Тирской пурпурЪ.

„Но по крайней мѣрѣ вы „ это покрывало почтете за „ Индїйской виссонЪ самаго „ лучшаго разбору?„

Самаго лучшаго разбору, какой вЪ Мемфисѣ и вЪ Пелузїумѣ употребляютЪ вЪ дѣло.

ТутЪ честной мужЪ сдѣлалЪ себѣ двухЪ непрїятельницЪ вЪ одну минуту; да и могло ли быть что нибудь досаднѣе такого чистосердечїя?

ГЛАВА VIII.

Предварительное извѣстіе о Абдеритскомъ театрѣ. Демокрита принуждаютъ сказать о немъ свое мнѣніе.

Абдериты думали о своемъ театрѣ весьма много. Ихъ игроки были простые Абдеритскіе граждане, которые либо не могли своимъ ремесломъ жить, либо по лѣности своей никакому не научились. Они не имѣли никакого просвѣщеннаго понятія объ искусствѣ, но тѣмъ большаго были мнѣнія о собственныхъ своихъ способностяхъ; и въ самомъ дѣлѣ не могли имѣть недостатка въ расположеніи: поелику вообще Абдериты были природные комедіанты, шуты и пантоми-

мы, у коихъ каждой членъ тѣла пособлялъ имъ говорить, сколь ни мало значило все то, что они говорили.

У нихъ былъ также собственной театральной сочинитель, по имени *Гипербол*, которой, естьли имъ вѣрить, довелъ театръ ихъ до того, что оной въ маломъ чемъ уступалъ Аѳинскому. Онъ былъ силенъ какъ въ комедіяхъ, такъ и въ трагедіяхъ, и сверхъ того сочинялъ весьма забавныя сатирическія игрища (*), въ коихъ онъ собственныя свои трагедіи такъ смѣшно перекладывалъ, что, по словамъ

(*) Греческія шуточныя игрища, которыя имѣютъ нѣкое сходство съ Италіанскою Opera Buffa, и о которыхъ Циклопъ Еврипидовъ, одна только оставшаяся сего рода піеса, подаетъ намъ нѣкоторое понятіе.

Абдеритовъ, надобно было надсѣдаться со смѣху. По ихъ мнѣнію соединялъ онъ высокое пареніе и сильное воображеніе *Эсхилово* съ краснорѣчіемъ и искусствомъ возбуждать страсти *Еврипидовымъ*, такъ какъ въ своихъ комедіяхъ веселой духъ и пылкую остроту Аристофанову съ разборчивостію и тонкимъ вкусомъ *Агатоновымъ*. *Проворство*, съ каковымъ разрѣшался онъ отъ бремени своихъ сочиненій, было то дарованіе, которымъ онъ наипаче гордился. Онъ выдавалъ каждой мѣсяцъ по трагедіи съ небольшою шуточною піэсою въ добавокъ. Самая лучшая изъ моихъ комедій, говорилъ онъ, стоила мнѣ не болѣе двухъ недѣль, хотя въ игрѣ продол-

жаетъ

жается отъ четырехъ до пяти часовъ.

Боги да помилуютъ насъ! думалъ про себя Демокритъ.

Тутъ Абдериты окруживъ его со всѣхъ сторонъ просили не отступно, чтобъ онъ сказалъ имъ свое мнѣнїе о театрѣ ихъ; и хотя онъ не любилъ входить съ ними въ споръ объ ихъ вкусѣ, однако не могъ рѣшиться и на то, чтобъ ласкать имъ, когда они съ общаго согласія принуждали его открыть имъ свои мысли.

„ Какъ вамъ нравится эта „ новая трагедія?„

Содержанїе выбрано удачно. Да что бы и за Авторъ былъ тотъ, которой бы такую

кую матерїю представилъ совсѣмъ въ превратномъ видѣ?

„Не нашли ли вы ее „весьма трогательною?„

Трагедїя можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быть весьма трогательною; однако при всемъ томъ и весьма худою, сказалъ Демокритъ. Я знаю одного рѣщика Сицїонскаго, которой по неистовости своей вырѣзываетъ только богинь любви.

Сїи вообще походятъ на обыкновенныхъ распутныхъ дѣвокъ; однакожъ всѣ имѣютъ прекрасныя ноги. Вся тайна состоитъ въ томъ, что рѣщикъ для образца беретъ свою жену, у которой къ щастїю его Венеръ по крайней мѣрѣ ноги красивы. Такъ равномѣрно и самому

му худому поэту можетъ иногда удаться трогательное мѣсто, ежели случится точно, что онъ влюбленъ, или потерялъ друга, или последовало съ нимъ иное какое приключенїе, приводящее сердце его въ такое положенїе, въ коемъ онъ удобно можетъ себя поставить на мѣстѣ той особы, которую заставляетъ говорить.

„ И такъ вы *Гекубу* нашего поэта не находите превосходною? „

Я нахожу, что можетъ быть онъ употребилъ все свое искусство. Однако многїя то у Эсхила, то у Софокла, то у Еврипида вырванныя перья, которыми онъ наготу свою прикрыть старается, и которыя можетъ быть дѣлаютъ ему честь въ

гла-

глазахъ многихъ слушателей, съ помянутыми стихотворцами не столько, сколько я знакомыхъ, отнимаютъ у него сію честь въ глазахъ моихъ. Ворона, такъ какъ она сотворена отъ Бога, кажется мнѣ всегда лучшею, нежели когдабъ она украсила себя павлиновыми и фазановыми перьями. Вообще требую я отъ сочинителя трагедіи по такомужъ праву, чтобъ онъ *за мое одобреніе* сдѣлалъ превосходную трагедію, по какому отъ сапожника, чтобъ онъ *за мои деньги* сдѣлалъ мнѣ пару сапоговъ хорошихъ; и хотя я охотно признаюсь, что труднѣе сработать хорошую трагедію, нежели хорошіе сапоги; однакожъ для сего не менѣе имѣю права отъ

каждой трагедiи требовать, чтобъ она имѣла всѣ свойства, къ трагедiи *хорошей* принадлежащiя, такъ какъ отъ сапога, чтобъ онъ все имѣлъ, что принадлежитъ къ сапогу хорошему.

„ А чтожъ бы принадлежало, по вашему мнѣнiю, къ такой *хорошаго сапожнаго мастерства трагедiи?*„ спросилъ *одинъ молодой Абдеритской Патрицiй* смѣясь изо всей мочи своей выдумкѣ, о которой мечталъ, что она остра была.

Какъ Демокритъ говорилъ ко всѣмъ особамъ, въ небольшомъ кругѣ сидѣвшимъ, кои *казалось* его слушали, то не внимая вопросу замысловатаго господчика, продолжалъ далѣе. Истинныя правила

вила произведенїй искусствен-ныхъ, говорилъ онъ, никогда не могутъ быть *самопроизвольными*. Я ничего отъ трагедїи не требую, кромѣ *того, чего Софоклъ требуетъ отъ своихъ*; а сїе не больше и не меньше, какъ то, что приличествуетъ свойству и намѣренїю вещи. Я требую простаго съ зрѣлымъ разсудкомъ передуманнаго начертанїя, въ которомъ стихотворецъ все предусмотрѣлъ, все предуготовилъ, все естественно расположилъ, все привелъ подъ единую точку; въ которомъ каждая часть есть необходимой членъ, и цѣлое есть стройное, красивое, свободно и благородно движущееся тѣло; нѣтъ никакихъ скучныхъ оговорокъ, никакихъ вставокъ, никакихъ рѣчей, которыхъ

рыхъ конца съ нетерпѣливостію ожидая зѣваютъ, никакихъ дѣйствій, къ главной цѣли не служащихъ! Но занимательные или любопытные, изъ природы почерпнутые характеры, украшенные искусствомъ, однако такъ, чтобъ никогда не можно было не признать въ нихъ человѣчества, гдѣ нѣтъ никакихъ добродѣтелей выше людей, никакихъ извергов злобы! Но лица, которыя всегда сообразно съ свойственными имъ понятіями и чувствованіями говорятъ и дѣйствуютъ, всегда такъ ощутительно, что онѣ по особенному своему характеру, по всѣмъ своимъ предыдущимъ и настоящимъ обстоятельствамъ и предначѣреніямъ, *долженствуютъ въ*

данномъ случаѣ такъ говорить и такъ дѣйствовать, или перестать быть тѣмъ, чѣмъ они суть. Я требую, чтобъ стихотворецъ не токмо вникалъ въ человѣческую природу, поелику она есть подлинникомъ всѣхъ его списковъ, я требую, чтобъ онъ принималъ въ разсужденіе и *зрителей*, и точно зналъ, *какими путями можно овладѣть ихъ сердцемъ*; чтобъ онъ каждое сильное потрясеніе, которое въономъ произвесть хочетъ, *приготовлялъ непримѣтно*; чтобъ онъ зналъ, *когда сего довольно*, и чтобъ прежде, нежели совершенно утомитъ насъ одинаковыми впечатлѣніями, или возбудитъ въ насъ страсть до того степени, въ которомъ начнетъ

нетъ она становиться мучительною, доставилъ сердцу не большія времена для отдохновенія, и умѣлъ бы движеніямъ, кои сообщаетъ намъ, придать, не нарушая главнаго дѣйствія, различные обороты. Я требую отъ него доброгласія, то есть, красиваго, и съ крайнею тщательностію, но безъ принужденія очищеннаго языка; всегда жаркихъ и трогательныхъ выраженій, которыя были бы просты и величественны, безъ *надутости и низкости*, сильны и рѣзки, безъ *грубости и напряженія*, которыябъ блистали, *не ослѣпляя*; требую истиннаго геройскаго языка, которой есть живымъ изображеніемъ великой души и непосредственно вдохновенъ чув-

ствованіемъ настоящаго, никогда не говоритъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало, и изъ котораго подобно слїянному съ тѣломъ одѣянію, всегда просїяваетъ собственный духъ говорящаго. Я требую, чтобъ тотъ, кто отваживается заставлять говорить героевъ, самъ одаренъ былъ великою душею; и когда онъ посредствомъ могущественной силы вдохновенія преобратился въ своего героя, то все, что влагаетъ ему въ уста, находилъ бы въ собственномъ своемъ сердцѣ. Я требую ——

„О, господинъ Демокритъ!„ — вскричали Абдериты не могши долѣе удержаться, — „когда вы теперь занимаетесь требованіями, то тре-

„буй-

„ буйте всего, что вамъ угод-
„ но Для Абдеры надобно
„ не много. Мы довольны и
„ тѣмъ, когда стихотворецъ
„ насъ *трогаетъ*. Тотъ, кто
„ насъ заставляетъ смѣяться
„ или плакать, есть въ на-
„ шихъ глазахъ божественной
„ мужъ; затѣвай онъ самъ,
„ что хочетъ. Это его дѣло,
„ а не наше! Гиперболъ нра-
„ вится намъ, трогаетъ и
„ веселитъ насъ; и положимъ,
„ что онъ между тѣмъ насъ
„ и зѣвать принуждаетъ, од-
„ накожъ останется всегда
„ великимъ стихотворцемъ!
„ Нужно ли намъ дальнѣйшее
„ доказательство? „

Черные люди при бере-
гахъ, гдѣ родится золото,
сказалъ Демокритъ, пляшутъ
съ восхищенiемъ по стуку

 ков-

ковшей и нѣсколькихъ бляхъ, ударяемыхъ одни объ другія. Естьли имъ придать еще два колокольчика и волынку, то они подумаютъ, что находятся въ Елисейскихъ поляхъ. Сколь много остроты потребно было вашей кормилицѣ, дабы васъ въ ребячествѣ вашемъ трогать своими расказами? Сумазброднѣйшая сказка, въ жалостномъ тонѣ пропѣтая, была для сего довольно хорошею. Но слѣдуетъ ли изъ того, что музыка черныхъ людей превосходна, или сказка кормилицы есть славнѣйшее ума произведеніе?

„Вы весьма учтивы, Демокритъ —„

Прошу извинить! Я столько не учтивъ, что каждую

вещь

вещь называю по ея имени; и столько упрямЪ, что никогда не признаюсь, будтобЪ все то было прекрасно и превосходно, что другому такЪ назвать угодно.

„Однако чувство цѣлаго народа важнѣе, нежели умничанье одного мудрагеля?„

Умничанье? Я бы желалЪ, чтобЪ сїе-то самое и изгнано было изЪ искусствЪ, принадлежащихЪ музамЪ. ИзЪ всѣхЪ тѣхЪ потребныхЪ качествЪ, отЪ которыхЪ Абдериты любимца своего Гипербола, толь благосклонно уволяютЪ, нѣтЪ ни одной, которая бы не основывалась на строжайшей справедливости. Но чувство цѣлаго народа, когда оно не есть чувство *ученое*, можетЪ и дол-

 жен-

женствуетъ въ безчисленныхъ случаяхъ быть обманчиво.

„Что за дьявольщина, (вскричалъ одинъ Абдеритъ, которой казался своимъ чувствомъ быть весьма доволенъ); вы наконецъ еще оспорите пять нашихъ чувствъ?„

Сохрани Богъ! отвѣчалъ Демокритъ. Естьли вы столь скромны будете, что не сдѣлаете никакихъ дальнѣйшихъ требованій, какъ только на пять чувствъ, то было бы весьма несправедливо мѣшать вамъ въ спокойномъ владѣніи оными. Пять чувствъ, особливо когда в ѣ пять будутъ взяты вмѣстѣ, суть всеконечно полные судіи во всѣхъ вещахъ, гдѣ дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ различить, что бѣло или черно,

но, гладко или шароховато, мягко или твердо, толсто или тонко, горько или сладко. Тотъ, кто никогда далѣе не идетъ, какъ ведутъ его пять чувствъ, всегда идетъ *безопасно*; и въ самомъ дѣлѣ, естьли вашъ Гиперболъ будетъ стараться о томъ, чтобъ въ его театральныхъ сочиненіяхъ каждое чувство было услаждаемо и ни одно оскорбляемо не было, то я ручаюсь въ хорошемъ ихъ пріемѣ, хотябъ они еще вдесятеро были хуже, нежели каковы они теперь.

Естьлибъ Демокритъ въ Абдерѣ ничего болѣе не значилъ, какъ Діогенъ въ Коринѳѣ, то вольность въ разговорахъ навлекла бы ему можетъ быть нѣкоторыя непрі-

ятности. Ибо сколь охотно Абдериты шутили при *важныхъ* вещахъ, столь мало могли они переносить, когда кто смѣялся надъ ихъ куклами и деревянными лошадками. Но Демокритъ велъ поколѣнiе изъ лучшаго дому въ Абдерѣ, а что еще важнѣе, имѣлъ богатство. Сiе сугубое обстоятельство побуждало снисходить ему въ томъ, что отъ Философа въ разодранной епанчѣ едва бы принято было за благо. „ Вы право несносной человѣкъ, Демокритъ! „ говорили картавыя Абдеритскiя красавицы; однакожъ — его сносили.

Стихотворецъ Гиперболъ еще того же вечера сочинилъ на Философа огромную эпиграмму. На слѣдующее утро пере-

переходила она по всѣмъ уборнымъ столикамъ; а въ третьей ночи пѣли ее по всѣмъ улицамъ въ Абдерѣ. *Ибо Демокритъ прибралъ къ ней голосъ.*

ГЛАВА IX.

Простодушїе Абдеритовъ, и какъ они Философу Демокриту отмщаютъ за его неучтивость. Опытъ одного изъ укорительныхъ его поученїй. Абдериты излагаютъ законъ противъ всѣхъ путешествїй, чрезъ которыя Абдеритской молокососъ могъ бы сдѣлаться умнѣе. Замѣчательныя мѣры, посредствомъ которыхъ Номофилаксъ Гриллъ рѣшитъ одно изъ сего закона происшедшее затрудненїе.

Обыкновенно опасно имѣть болѣе разума предъ своими согражданами. *Сократъ* долженъ былъ заплатить за то

своею жизнію; и ежели *Аристотель* уцѣлѣлъ, когда главной жрецъ *Евримедонъ* въ Аѳинахъ обвинялъ его въ ереси, то сіе произошло отъ того, что онъ заблаговременно оттуда убрался. *Я не хочу Аѳинянамъ подавать случая*, говорилъ онъ, *въ другой разъ ошибаться въ Философіи* (*).

Абдериты при всѣхъ своихъ человѣческихъ слабостяхъ не были по крайней мѣрѣ людьми злыми. Между ими Сократъ могъ бы состарѣться, такъ какъ Несторъ. Они почитали бы его за чудной родъ дураковъ, и смѣялись бы надъ мнимою его глупостью; но чтобъ дѣло простирать до отравленія ядомъ, сего не было въ ихъ ха-

(*) Эліан. раз. Истор. III. 36.

характерѣ. Демокритъ поступалъ съ ними такъ строго, что не столько веселой народъ конечно бы вышелъ изъ терпѣнія. Однакожъ все мщеніе, которое они давали ему чувствовать, состояло въ томъ, что они (не заботясь о причинѣ) говорили объ немъ столь же худо, какъ и онъ объ нихъ; все хулили, что онъ ни предпринималъ; все въ смѣхъ обращали, что онъ ни говорилъ, и во всемъ, что онъ имъ ни совѣтовалъ, дѣлали на перекоръ.

„ Надобно Философу глаза протереть, говорили они; „ не должно притворяться, „ что будто бы онъ знаетъ „ все лучше насъ.„ И въ слѣдствіе сего мудраго правила дѣлали они одно дурачество

за другимъ, воображая, сколь много они выиграютъ, когда тѣмъ ему досадятъ. По нещастїю они въ томъ совершенно обманулись. Ибо Демокритъ смѣялся тому, и какъ они его ни дразнили, не безпокоился ни на волосъ. О! Абдериты, Абдериты! говорилъ онъ иногда; вотъ они опять сами себѣ дали пощечину, надѣясь, что *мнѣ* будетъ больно!

„Можно ли (говорили Аб„дериты) о такомъ человѣкѣ „не заключать худова? Обо „всемъ онъ иначе мыслитъ, „нежели мы. Во всемъ, что „намъ нравится, находитъ „онъ достойное порицанїя. „Нѣтъ, весьма не ладно, что „мы всегда позволяемъ себѣ „противорѣчить.„

Но

Но когда вы всегда ошибаетесь? отвѣчалъ Демокритъ. — И посмотримъ, можетъ ли то быть иначе! Всѣми вашими понятїями обязаны вы вашей кормилицѣ; и обо всемъ думаете еще такъ, какъ думали будучи малыми ребятами. Тѣла ваши выросли, но ваши души лежатъ еще въ колыбелѣ. Многїе ли изъ васъ постарались изслѣдовать причину, *для чего* они что нибудь называютъ истиннымъ или добрымъ, или красивымъ? Подобно малолѣтнымъ и отъ грудей еще не отнятымъ дѣтямъ есть все для васъ хорошо и красиво, что щекотитъ ваши чувства, и что вамъ нравится. И отъ какихъ малозначащихъ, часто совсѣмъ къ вещи не принадлежащихъ причинъ и об-

обстоятельствѣ зависитъ то, чтобъ вамъ что нибудь понравилось или нѣтъ? Въ какомъ бы вы часто находились замѣшательствѣ, когдабъ должны были сказать, *для чего* вы это любите, а то ненавидите? Забобоны, расположенie шутить, привычка попускать, чтобъ другie водили васъ на помочахъ, смотрѣть ихъ глазами, слушать ихъ ушами, и что они просвистали, свистать за ними въ слѣдъ, — суть тѣ пружины, которыя занимаютъ у васъ мѣсто разсудка. Сказать ли вамъ, въ чемъ состоитъ погрѣшность? Вы взяли себѣ въ голову *ложное понятie* вольности. Дѣти ваши трехъ или четырехъ лѣтъ имѣютъ о ней конечно такоежъ понятie; но отъ сего не дѣлается оно

пра-

правильнѣе. Мы вольной народъ, говорите вы; а потому и думаете, что разсудокъ вамъ ни въ чемъ прекословить не можетъ. „Для чего намъ „не думать такъ, какъ намъ „угодно? любить и ненави„дѣть, какъ намъ угодно? уди„вляться тому, и презирать „то, что намъ угодно? Кто „имѣетъ право требовать „отъ насъ отчета, или нашъ „вкусъ и наши склонности „подвергать своему суду?„ — Когда такъ, любезные мои Абдериты, то думайте и мечтайте, любите и ненавидьте, удивляйтесь и презирайте, какъ, когда и что вамъ угодно! Дѣлайте глупости, сколь часто и сколь много вамъ угодно! Заставляйте надъ собою смѣяться, какъ

вамъ

вамъ угодно? Кому наконецъ въ томъ нужда? Пока дѣло идетъ только до бездѣлокъ, куколъ и деревянныхъ лошадокъ, то было бы несправедливо хотѣть, мѣшать вамъ въ употребленіи права, убирать вашу куклу и ѣздить верхомъ на вашей деревянной лошадкѣ по произволенію. Положимъ также, что кукла ваша была бы безобразна, и то, что вы называете вашею лошадкою, спереди и сзади походила бы на теленка или осленка: что до того? Когда ваши глупости дѣлаютъ васъ щастливыми и не дѣлаютъ никого нещастливымъ, какая другимъ людямъ нужда, что то глупости? Для чего почтеннымъ совѣтникамъ Абдеритскимъ во время торже-

ственнаго шествія не кувыркаться одному за другимъ, отъ ратуши до храма Латонина, когда совѣтникамъ и народу въ Абдерѣ такъ нравится? Для чего вамъ лучшее ваше зданіе не поставить въ уголъ, и прекрасную вашу маленькую Венеру не вознести на обелискъ? Но, любезные мои единоземцы, не всѣ ваши глупости такъ невинны, какъ сіи; и когда я вижу, что вы вашими бреднями и горячностію дѣлаете себѣ вредъ, то не былъ бы я вашимъ другомъ, когдабъ могъ умолчать о томъ. На примѣръ, ваша лягушечья и мышачья война съ *Лемнійцами*, самая ненужная и безразсудная, которая когда либо была начинаема, для глупѣйшей причины въ свѣтѣ, для одной

танцовщицы? — Казалось, что вы тогда находились подъ непосредственнымъ влїянїемъ вашего злаго демона, когда вы на нее рѣшились. Все не помогало, что вамъ противъ нее ни представляемо было. Лемнїйцы долженствовали быть наказаны; и какъ вы люди пылкаго воображенїя, то для васъ не казалось ничего легче, какъ овладѣть цѣлымъ островомъ. Ибо о затрудненїяхъ дѣла вы обыкновенно не прежде судите, какъ тогда, когда вы въ немъ далеко зашли. Но пусть бы еще все это такъ было, естьлибъ вы по крайней мѣрѣ исполненїе вашихъ плановъ возложили на способнаго человѣка. Но выбрать молодаго *Афрона* полководцемъ, хотя не льзя приду-

думать другой причины, кромѣ той, что ваши бабы нашли, будто онъ въ великолѣпномъ своемъ новомъ ополченіи такъ прекрасенъ, какъ Парисъ; и — отъ удовольствія, видя большія жаркаго цвѣту перья, развѣваемыя на безмозглой его головѣ, забыть, что то былъ бой не для забавы: это, не отрицайте только, это было Абдеритское дурачество! И теперь, когда вы заплатили за оное потерею вашей чести, вашихъ галеръ и вашего лучшаго войска, какая вамъ польза, что Аѳиняне (*), которыхъ

(*) Аѳиняне къ войнѣ съ Мегарцами (ежели вѣрить Аристофану,) не имѣли другой причины, кромѣ той, что нѣсколько молодыхъ дворянъ Мегарскихъ, желая отмстить за увезеніе одной распутной женщины, увезли двухъ

рыхъ вы въ глупостяхъ ихъ приняли себѣ образцемъ, обыкновенно производятъ столь же остроумныя затѣи; а иногда и съ толь же удачнымъ успѣхомъ.

Въ такомъ тонѣ говаривалъ Демокритъ съ Абдеритами, когда они подавали ему къ тому поводъ; однако сколь часто сіе ни случалось, не могли они привыкнуть, сей тонъ принимать за благо. „ Таково „ то, говорили они, когда „ дашъ волю молокососамъ ѣз- „ дить по свѣту, дабы они „ научались стыдиться своего отече-

двухъ молодыхъ такогожъ разбору дѣвокъ, кои между прочими были на содержаніи у Аспазіи. Сія могла все сдѣлать изъ Перикла, Периклъ все изъ Аѳинъ, и такимъ образомъ Мегарцамъ объявлена была война. *Плутархъ* въ жизни Перикловой.

„ отечества, и спустя де-
„ сять или двапцать лѣтъ воз-
„ вращались съ головою, наби-
„ тою иностранными понятія-
„ ми, какъ *Космополиты* или
„ *Всесвѣтные граждане*, кото-
„ рые все знаютъ лучше своихъ
дѣдовъ и прадѣдовъ, и все въ
другихъ мѣстахъ видѣли луч-
ше, нежели дома. Древніе Египт-
тяне, которые никому не позво-
ляли путешествовать до тѣхъ
поръ, пока онъ проживетъ по
крайней мѣрѣ лѣтъ пятдесятъ,
были умные люди!„

Абдериты собравшись
тотчасъ сочинили законъ,
чтобъ дѣти ихъ впредь ни-
когда не осмѣливались путе-
шествовать далѣе Коринѳскаго
перешейка, болѣе года, и не
иначе, какъ подъ смотрѣніемъ
пожилаго дядьки, стариннаго

Абдеритскаго поколѣнія, образа мыслей, обычая и покроя. „Молодымъ людямъ хотя надлежитъ обозрѣть свѣтъ, такъ гласило опредѣленіе; однако они долженствуютъ во всякомъ мѣстѣ пробыть не долѣе того времени, пока осмотрятъ все, что глазами тамъ видѣть можно. Особливо дядька обязанъ съ точностію замѣчать, какіе они находили трактиры (*), какъ ѣли, и сколько за то заплатить должны были, дабы ихъ сограждане могли впредь воспользоваться сими замѣчаніями. Для сбереженія издержекъ

(*) Почесть ли сіе мѣсто, въ разсужденіи трактировъ, неподлиннымъ и подлиннымъ, предоставляется суду тѣхъ, кои основательно изслѣдовали корчемное дѣло древнихъ (Kern сauponari...

жекъ отъ долговременнаго въ какомъ нибудь мѣстѣ пребыванія долженъ дядька равномѣрно смотрѣть за тѣмъ, чтобъ молодой Абдеритъ не входилъ ни въ какія ненужныя знакомства. Хозяинъ или служитель въ домѣ, какъ тамошній житель, можетъ ему всѣхъ лучше раскazать, что тамъ есть достопамятнаго, какъ называются тамошніе ученые люди и художники, гдѣ они живутъ, и въ какое время съ ними говорить можно: сіе дядька имѣетъ означить въ своихъ дневныхъ запискахъ; и по томъ дни въ два или три, когда время хорошо распредѣлено будетъ, можно обозрѣть много предметовъ.

По нещастію сего мудраго опредѣленія двое Абде-

ритскихъ молодыхъ господчиковъ весьма важныхъ находились тогда внѣ отечества, какъ оное опредѣленіе было сочинено, и по древнему обычаю, предъ народомъ на главныхъ городскихъ улицахъ *пропѣто*. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ лавочника, которой скупостью и подлыми происками въ своемъ ремеслѣ, во время сорока лѣтъ нажилъ великой достатокъ, и въ силу онаго не задолго предъ тѣмъ выдалъ дочь свою (безобразнѣйшее и глупѣйшее животное во всей Абдерѣ) за племянника малорослаго пузастаго совѣтника, о коемъ славное напоминаніе учинено выше. Другой былъ одинъ только сынъ Номофилаксовъ, и долженствовалъ, для скорѣйшей подмоги отцу своему

ему въ его должности, путешествовать въ Аѳины, и научиться тамъ основательнѣе музыкѣ; между тѣмъ какъ наслѣдникъ лавочниковъ, которой хотѣлъ его проводить, намѣревался тамъ тѣснѣе познакомиться съ торговками уборовъ и распутными дѣвками. Въ опредѣленіи же объ особенномъ случаѣ, въ которомъ сіи молодые господчики находились, не подумано. И такъ былъ запросъ, что дѣлать? Надлежало ли настоять на нѣкоторое ограниченіе закона, или просить въ Сенатѣ только о разрѣшеніи предлежащаго случая? — Ни того ни другаго не надобно, сказалъ Номофилаксъ, которой лишь только окончилъ сочиненіе новаго танца на празд-

празднество Латоны, и самъ собою чрезвычайно былъ доволенъ. Для перемѣны чего либо въ самомъ законѣ надобно собирать народъ; а это нашимъ недоброжелателямъ подастъ только случай пялить рты. Что до исключенія принадлежитъ, то справедливо, что законы по большой части излагаются для изключеній; и я не сомнѣваюсь, чтобъ Сенатъ безъ затрудненія не поступился намъ въ томъ, чего каждой въ подобныхъ случаяхъ по силѣ противоположнаго права требовать желаетъ. Однако каждое увоЛеніе имѣетъ видъ оказанной милости; и какая намъ нужда навязывать себѣ на шею обязательности? Законъ есть спящій левъ, мимо котораго, по-

пока онъ не пробуждается, столь же безопасно, какъ и мимо ягненка, прокрасться можно. И кто будетъ столько безстыденъ и дерзокъ, чтобъ разбудить его противъ сына Номофилаксова.

Сей защитникъ законовъ, какъ мы увидимъ послѣ, былъ такой мужъ, которой о законахъ и своемъ санѣ имѣлъ весьма просвѣщенныя понятія, и выгодами, доставляемыми отъ послѣдняго, умѣлъ ловко пользоваться. Имя его заслуживаетъ быть упомянуто. Онъ назывался *Гриллом*, сыном *Цинисковымъ*.

ГЛАВА X.

Демокритъ возвращается въ свое помѣстье, и имѣетъ частыя посѣщенія отъ Абдеритовъ. Разныя рѣдкости, и разговоръ о землѣ удовольствія и безпечности, описываемой нравоучителями.

Демокритъ, по возвращеніи въ свое отечество, ласкалъ себя тою мыслію, что обогативъ разумъ свой нѣкоторыми знаніями, и исправя сколько нибудь свое сердце, можетъ быть полезенъ своему отечеству. Онъ не представлялъ себѣ, чтобъ *Абдеритскія головы* были въ толь худомъ состояніи, въ какомъ онъ дѣйствительно нашелъ ихъ. Но пробывъ съ ними нѣсколько времени усмотрѣлъ ясно, что предпріятіе его;

ста-

стараться о *поправлении* ихъ, было бы тщетно. Все у нихъ было такъ *наизворотъ*, что не льзя было узнать, откуда поправленіе ихъ начать надлежало. Каждое злоупотребленіе ихъ имѣло спутниками двадцать другихъ злоупотребленій; не возможно было искоренить ни одного, не преобразивъ цѣлой области. Моровая язва, (думалъ онъ), которая бы истребила весь народъ — кромѣ нѣсколькихъ дѣтей, подросшихъ такъ, чтобъ могли обойтись безъ кормилицъ, было бы одно только средство въ пользу *города Абдеры*; а безъ того не льзя помочь Абдеритамъ!

И такъ онъ вознамѣрился добрымъ порядкомъ отъ

нихъ отдѣлаться. Онъ поѣхалъ жить въ малое свое помѣстье, неподалеку отъ Абдеры, и занимался поправленіемъ и украшеніемъ онаго въ тѣ часы, кои оставались ему отъ любимаго его упражненія въ испытаніи дѣйствій природы. Но по нещастію его сіе помѣстье находилось весьма близко Абдеры. Ибо, какъ положеніе онаго было прекрасно, и дорога туда была одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ, то къ-нему всякой день наѣзжала толпа Абдеритовъ и Абдеритянокъ, то дядей, то тетокъ, кои подъ видомъ воспользовашься прекрасною погодою и пріятною прогулкою, безпокоили его въ щастливомъ уединеніи.

Хотя ДемокритЪ Абдеритамъ по крайней мѣрѣ столькожЪ мало нравился, какЪ и они ему, однако дѣйствіе того было весьма различно. ОнЪ *убѣгалЪ* ихЪ, понеже они причиняли ему скуку; онижЪ *искали* его, поелику чрезЪ то сокращали свое время. ОнЪ умѣлЪ свое употреблять; имЪ напротивЪ того не чего было дѣлать лучшаго.

„Мы пришли сократить вамЪ вЪ вашемЪ уединеніи время,„ говорили Абдериты. — Я вЪ компаніи сЪ самимЪ собою обыкновенно препровождаю время весьма непримѣтно, отвѣтствовалЪ ДемокритЪ.

„Но какЪ это возможно, сидѣть всегда одному, вскрича-

ла прекрасная *Питека*. Я бы пропала со скуки, естьлибъ хотя одинъ день должна была прожить, не видя людей.,,

Вы проговорились; не будучи видимою людьми, хотѣли вы сказать, отвѣчалъ Демокритъ.

,, Но откуда взяли вы, что Демокриту скучно; весь домъ его наполненъ рѣдкостями. Съ позволенія вашего, Демокритъ, — покажите пожалуйте намъ всѣ тѣ отмѣнныя вещи, которыя вы собрали въ вашемъ путешествіи.,,

Тогда-то надлежало вооружиться терпѣніемъ бѣдному пустыннику. Онъ дѣйствително имѣлъ лучшее собраніе натуральныхъ вещей

изъ

изъ всѣхъ царствъ природы; набитыхъ соломою звѣрковъ, птицъ, рыбъ, бабочекъ, раковинъ, окаменѣлостей, рудъ и проч. Все для Абдеритовъ было ново; все возбуждало ихъ изумленїе. Бѣдной испытатель природы въ одну минуту заглушенъ былъ столь многими вопросами, что, подобно богинѣ Славѣ, долженъ былъ состоять изъ однихъ только ушей и языковъ, дабы могъ на все отвѣтствовать.

„ Изъясните пожалуйте намъ, что это такое? какъ называется? откуда это? какимъ образомъ происходитъ? для чего это такъ?„

Демокритъ изъяснялъ, сколько могъ и зналъ; но Абдериты не могли чрезъ то получить ни въ чемъ болѣе

свѣдѣнія, и все оставалось для нихъ темнымъ по прежнему; напротивъ того понимали они всегда тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе онъ объяснялъ имъ, хотя не былъ сему виною!

Удивительно! непонятно! весьма удивительно!,, — твердили они безпрестанно. — .

Ничего въ свѣтѣ натуральнѣе быть не можетъ, какъ это! отвѣтствовалъ Демокритъ весьма хладнокровно. — .

,, Вы слишкомъ скромны, Демокритъ, или можетъ быть хотите только, чтобъ васъ тѣмъ больше выхваляли за вашъ хорошій вкусъ и за предпріятыя вами далекія путешествія?,, —

Не

Не безпокойтесь объ этомъ, государи мои; какъ бы вы ни отозвались, я все приму за благо.

„Но какъ весело должно быть далекое путешествіе по свѣту?„ — сказалъ одинъ Абдеритъ.

„А я думаю совсѣмъ напротивъ, говорилъ другой.—Представьте себѣ всѣ опасности и затрудненія, которымъ ежедневно подвергаться должно; безпокойныя дороги, невыгодные постоялые дворы, морскія мѣли, кораблекрушенія, дикихъ звѣрей, крокодиловъ, единороговъ и крылатыхъ львовъ, которыми всѣ варварскія земли наполнены.„

„И чтожъ наконецъ, (вступился въ рѣчь одинъ Абдеритскій Матадоръ,) когда

увидишь, сколь великЪ свѣтЪ? Я думаю, что частица онаго, которою я самЪ владѣю, показалась бы мнѣ тогда столь малою, что я бы не могЪ уже болѣе находить вЪ ней утѣшенія.,,

„ Но развѣ вы считаете ни за что увидѣть столь много людей? „ отвѣчалЪ первой.

А чтожЪ тамЪ увидишь? Людей! да ихЪ можно видѣть и дома. Они вездѣ таковыжЪ, какЪ и у насЪ„

„ АхЪ! вотЪ птица, да еще и безЪ ногЪ, „ вскричала одна молодая дама.

„ БезЪ ногЪ? — И вся птица только изЪ одного пера! Это чрезвычайно!„ — говорила другая. „ Разумѣете ли вы это?„

„ Про-

„Прошу васъ, Демокритъ, изъясните намъ, какъ она ходить можетъ, не имѣя ногъ?„

„И какъ она съ однимъ перомъ летаетъ?„

„О, что всего охотнѣе желалабъ я видѣть, сказала одна изъ тетокъ, то это живаго Сфинкса! Вы, я думаю, многихъ находили въ Египтѣ?„

„Но позвольте спросить, возможно ли, чтобъ жены и дочери Гимнософистовъ въ Индіи — такъ какъ говорятъ — Вы разумѣете меня, что я спросить хочу?„

Нѣтъ, сударыня?

„О! вы разумѣете меня конечно! Вы были въ Индіи, такъ надобно, чтобъ вы ви-

дѣли и женъ Гимнософистовъ?„

Да, я видѣлъ, и вы можете мнѣ повѣрить, что жены Гимнософистовъ суть не болѣе и не менѣе жены, какъ и жены Абдеритовъ.

„Вы дѣлаете намъ много чести. Но я совсѣмъ не объ этомъ знать хотѣла. Я спрашиваю, правда ли, что онѣ — (Здѣсь Госпожа *Салабанда* одною рукою держалась за свои груди, а другою — словомъ, она привела себя въ *положенiе* (*) *Медицейской Венеры*, дабы Философа надоумить, что она знать хотѣла.) Теперь вы уже разумѣете меня?„ сказала она.

Такъ,

(*) Attitude.

Такъ, сударыня; природа не скупѣе для нихъ была, какъ и для другихъ. Но что это за вопросъ?

„Вы не хотите меня разумѣть, Демокритъ; я думаю вамъ довольно ясно сказала, что мнѣ хотѣлось бы узнать; правда ли что онѣ — когда вамъ угодно, чтобъ я безъ обиняковъ сказала — ходятъ такъ *наги*, какъ въ свѣтъ вышли, или по просту въ чемъ мать родила?„

„Наги! вскричали Абдеритянки всѣ вдругъ. Такъ онѣ были бы еще безстыднѣе дѣвокъ Спартанскихъ! Кто этому повѣритъ?„

Вы правду говорите, сказалъ испытатель природы; жены Гимнософистовъ менѣе наги, чѣмъ жены Гре-

ковъ въ полномъ ихъ уборѣ: онѣ съ головы до ногъ одѣты въ невинность и въ безпорочное о томъ мнѣнїе народа.

„ Какъ вы это понимаете?„

Могу ли я растолковать яснѣе.

„ А! теперь я васъ разумѣю! Вы даете намъ намѣтки. Однако вы шутите только съ вашимъ безпорочнымъ мнѣнїемъ и невинностїю. Когда жены Гимнософистовъ не одѣваются благопристойнѣе, то — либо онѣ весьма безобразными, либо мужья ихъ весьма холодными быть должны.„

Ни то, ни другое. Жены ихъ красивы, и дѣти ихъ здоровы и бодры; неоспоримое

сви-

свидѣтельство въ пользу ихъ отцевъ, какъ мнѣ кажется!

„ Вы любите странности, Демокритъ, говорилъ Матадоръ; но вы вѣчно меня не увѣрите, что нравы какого нибудь народа тѣмъ безпорочнѣе, чѣмъ обнаженнѣе его жены.„

Естьлибъ я столь много любилъ странности, какъ меня обвиняютъ, то бы мнѣ можетъ быть не трудно было, увѣрить васъ въ томъ примѣрами и доводами. Но я обычаю Гимнософистовъ не столько преданъ, чтобъ принялъ на себя защищать оной. Да я совсѣмъ и не думалъ сказать то, что остроумной *Кратилъ* утверждаетъ. Жены Гимнософистовъ, казалось мнѣ, доказываютъ токмо,

что

что въ семъ случаѣ все рѣшатъ обычай и обстоятельства. Спартанскїя дочери, нося короткое платье, и живущїя при рѣкѣ Индѣ, не нося совсѣмъ никакого, потому самому ни порочнѣе (*), ниже большей подвержены опасности, нежели тѣ, кои добродѣтель свою обвертываютъ семью покровами. Не предметы, но *мнѣнїя наши* объ оныхъ суть причиною безпорядочныхъ страстей. *Гимнософисты*, не признавающїе ни одной части въ человѣческомъ тѣлѣ неблагороднѣе другой, почитаютъ своихъ женъ, хотя онѣ облечены токмо въ *при-*

(*) Безпорочное мнѣнїе служило имъ вмѣсто покрывала, говоритъ не знаю кто-то изъ древнихъ о Спартанскихъ дочеряхъ.

природное одѣянie, столькожъ одѣтыми, какъ *Скиѳы* своихъ, хотя они бедра обвѣшиваютъ *овчинами дикихъ кошекъ*.

„Я не желалъ бы, чтобъ Демокритъ своею философiею очаровалъ нашихъ женъ до того, чтобы они подобное что нибудь забрали себѣ въ голову, сказалъ одинъ степенной Абдеритъ, торгующiй мѣхами.„ Я также бы не желалъ, подтвердилъ его рѣчь торгующiй полотномъ. И я право также, примолвилъ Демокритъ, хотя не торгую ни мѣхами, ни полотномъ.

„Но, позвольте спросить у васъ еще одно, сказала помянутая дама, которая весьма охотно желала видѣть живыхъ

выхъ Сфинксовъ. Вы объѣздили цѣлой свѣтъ; тамъ конечно находятся многія удивительныя земли, гдѣ все инаково, нежели у насъ —„

(Я не повѣрю ни въ одномъ словѣ, пробормоталъ совѣтникъ, потрясая, какъ Гомеровъ Юпитеръ, умащенными амброзіею власами премудрой головы своей).„

Скажите мнѣ, въ которой изъ всѣхъ сихъ земель понравилось вамъ всего лучше?„

Гдѣ можетъ понравиться кому нибудь лучше, какъ — въ Абдерѣ?

„О! мы знаемъ вашу учтивость. Безъ чиновъ! отвѣтствуйте молодой дамѣ, какъ вы думаете?„ продолжалъ совѣтникъ.

Вы будете надо мною смѣяться, отвѣчалъ Философъ; но когда вы сего хотите, прекрасная *Клонарїонъ*, то я скажу вамъ сущую правду. Не слыхали ли вы когда нибудь о такой землѣ, гдѣ натура такъ благосклонна, что при своихъ собственныхъ должностяхъ снимаетъ еще на себя и *трудъ людей*? о такой землѣ, гдѣ царствуетъ вѣчной миръ; гдѣ нѣтъ никого раба и нѣтъ господина, никто не бѣденъ и всякъ богатъ? гдѣ жадность къ злату не подстрекаетъ ни къ какому преступленїю, потому что онаго металла ни къ чему употребить не можно; гдѣ серпъ столь же неизвѣстенъ, какъ и мечь; гдѣ трудолюбивой не долженъ рабо-

тать для празднолюбца; гдѣ нѣтъ врачей, потому что никто не впадаетъ въ болѣзнь; нѣтъ судей, потому что не бываетъ тяжебныхъ дѣлъ; не бываетъ тяжебныхъ дѣлъ, потому что всякъ доволенъ; и всякъ доволенъ, потому что онъ все имѣетъ, чего только желать можеть: — словомъ, о такой землѣ, гдѣ всѣ люди такъ кротки, какъ агнцы, и столь блаженны, какъ Боги? Слыхали ли вы когда нибудь о такой землѣ?

„Нѣть, сколько мнѣ помнится!„ О сей то говорю я землѣ, Клонарїонъ! Тамъ нѣтъ никогда излишней теплоты и никогда излишняго холоду, никогда не бываетъ слишкомъ мокро и никогда слишкомъ сухо; весна и осень наступаютъ тамъ не попере-

мѣн-

мѣнно, но подобно какъ въ садахъ Алциноевыхъ, царствуютъ совокупно въ вѣчномъ согласіи. Горы и долины, лѣса и луга преисполнены всѣмъ, что сердце человѣческое веселить можетъ. Однако не такъ, чтобъ люди принимали на себя трудъ, гоняться за зайцами, ловить птицъ или рыбъ, и срывать плоды, которые они съѣсть хотятъ; или чтобъ они выгоды, коими пользуются, доставали напередъ со многими заботами. Нѣтъ! все дѣлается тамъ само собою. Рябчики и бекасы летаютъ нашпикованные и жареные около рта; рыбы всякаго рода плаваютъ вареныя въ прудахъ, изъ всѣхъ возможныхъ похлебокъ состоящихъ, коихъ берега всегда покры-

крыты устерсами, раками, пастетами, окороками, и бычачьими языками. Зайцы и дикія козы прибѣгаютъ произвольно, заворачиваютъ кожу себѣ на уши, вскакиваютъ на вертель, и когда поспѣли, сами собою ложатся въ блюда. Вездѣ стоятъ столы, кои сами накрываются; и мягкія постели манятъ вездѣ къ отдохновенію отъ — праздности и къ пріятному усыпленію. Возлѣ нихъ журчатъ ручайки изъ млека и меду, Кипрскаго вина, лимонной воды и другихъ вкусныхъ напитковъ; надъ ними наподобіе свода видны розовые и ясминные кусты съ стаканами и рюмками, кои, какъ скоро изъ нихъ выпьютъ, тогдажъ сами собою наливаются.

Также есть тамъ дерева, вмѣсто плодовъ приносящія маленькіе пастеты, сосиски, миндальные пироги и здобные крендели; другія, по всѣмъ сучьямъ увѣшанныя скрыпками, арфами, цитрами, бандурами, флейтами и валторнами, кои сами собою составляютъ пріятнѣйшій концертъ, какой токмо слышать можно. Щастливые люди, проспавъ дневной жаръ, и препроводя вечеръ въ танцахъ, пѣніи и забавахъ, моются тогда въ прохладныхъ мраморныхъ баняхъ, гдѣ отъ невидимыхъ рукъ наслаждаются тихимъ тренїемъ, отираются тонкимъ виссономъ, которой самъ собою выпрялся и соткался, и умащаются драгоцѣннѣйшими ароматами, наподобіе росы изъ

вечернихъ облаковъ спадающими. По томъ возлегаютъ на мягкихъ пуховикахъ, вокругъ накрытыхъ столовъ, ѣдятъ, пьютъ и смѣются, поютъ, шалятъ и цѣлуются, во всю ночь, которую полный мѣсяцъ претворяетъ въ тихо освѣщенный день; и — что еще всего пріятнѣе —

„О перестаньте, Г. Демокритъ, вы издѣваетесь надо мною! Что вы мнѣ теперь говорите, это сказка о золотомъ Царствѣ (vom Schlaraffenlande), которую я тысячу разъ слыхала отъ моей кормилицы, какъ еще была въ малолѣтствѣ.

Но вы допустите, Клонаріонъ, что хорошо жить въ такой землѣ?

„Не примѣчаете ли вы, что подъ всѣми сими словами

ии скрывается тайное знаменованіе? молвилъ мудрой совѣтникъ; можетъ быть сатира на нѣкоторыхъ Философовъ, кои высочайшаго блага ищутъ въ роскоши.„

„Худо отгадали, Г. Совѣтникъ! отвѣчалъ Демокритъ.„

Мнѣ помнится, что я въ *Амфиктіонахъ Телеклидовыхъ* читала подобное сему описаніе златаго вѣка,„ отозвалась Гжа. Салабанда (*).

(*) Гжѣ. *Салабандѣ* должно отдать справедливость. За долго до *Гаммеля* Гжи. *Донаа Лукіанъ* въ *истинной* своей исторіи, и за долго до Лукіана Греческіе сочинители комедій, *Метагенъ*, *Ферекратъ*, *Телеклидъ*, *Кратесъ* и *Кратинъ* описывали щастливую землю и щастливую жизнь, въ чемъ они наперерывъ старались, дабы ничего не оставить самому плодови-

Земля, описанная мною прекрасной Клонаріонѣ, продолжалъ испытатель природы, не сатира; *она есть та земля, въ которую изъ каждой дюжины васъ мудрецовъ девятцать переселиться внутренно желаютъ, изо всѣхъ силъ добиваяся, и въ которую Абдеритскіе ваши моралисты хотятъ препроводить насъ своими поученіями, ежели впрочемъ поученія ихъ имѣютъ какой либо смыслъ.*

„Желалъ бы я знать, что вы подъ симъ разумѣете?„ сказалъ совѣтникъ, которой (по долголѣтней привычкѣ слушать

витому воображенію новѣйшаго какого нибудь писателя сказокъ. Весьма смѣлыя черты въ картинѣ, изображаемой Демокритомъ, взяты изъ отрывковъ *Атенея* въ шестой его книгѣ о царѣ Софистовъ.

шать токмо въ *полъ-уха*, и давать голосъ свой въ совѣтѣ *дремлючи*) не охотно принималъ на себя трудъ, размышлять долго о какой нибудь вещи.

Вы любите яркое освѣщенїе, какъ я вижу, Г. Совѣтникъ, отвѣчалъ Демокритъ. Но излишнїй свѣтъ для зрѣнїя столь же не выгоденъ, какъ и недостаточной. Въ *ясности, смѣшанной съ темнотою*, кажется мнѣ довольно свѣта, чтобъ не видѣть ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало. Я предполагаю, что вы вообще видѣть можете; ибо, естьлибъ сего не было, то легко вамъ понять, что мы при свѣтѣ тысячи солнцевъ не лучшебъ

 видѣ-

видѣли, какъ и при сіяніи свѣтящагося червячка.

„Вы говорите о свѣтящихся червячкахъ?„ — (сказалъ совѣтникъ, пробудясь при словѣ свѣтящагося червячка изъ нѣкотораго душидреманія, въ которое онъ погруженъ былъ зазѣвавшись на прелестныя груди Салабанды, въ продолженіи рѣчей Демокритовыхъ). —„ Я думаю, что мы говорили о моралистахъ„.

О моралистахъ или свѣтящихся червякахъ, какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Демокритъ. То, что я хотѣлъ вамъ сказать для объясненія нашего разговора, было слѣдующее: земля, гдѣ царствуетъ вѣчной миръ, и гдѣ всѣ люди въ одинаковой степени свободны и щастливы; гдѣ добро

не

не смѣшано со зломъ; гдѣ скорбь не соединена тѣсно съ удовольствïемъ, и добродѣтель съ порокомъ; гдѣ усматривается одна токмо красота, одно благоустройство, и одна гармонïя: — словомъ, земля, *каковою моралисты ваши весь обитаемой нами земной шаръ имѣть хотятъ*, есть либо такая земля, гдѣ люди *не* имѣютъ *желудка и чрева*, или она вообще должна быть та, которую изображаетъ намъ Телеклидъ, изъ коего *Амфиктïоновъ* (какъ прекрасная Салабанда весьма кстати замѣтила) заимствовалъ я мое описанïе. *Совершенное равенство, совершенное удовольствïе настоящимъ, ненарушимое согласïе*: кратко сказать, *Сатурновы времена*,

гдѣ не нужны ни Цари, ни жрецы, ни воины, ни совѣтники, ни моралисты, ни портные, ни повара, ни лѣкари, ни палачи, возможны токмо въ такой землѣ, гдѣ рябчики жареные влетаютъ въ ротъ, или (что почти все равно) *гдѣ нѣтъ никакихъ потребностей и недостатковъ.* Сіе, по моему мнѣнію, столь ясно, что тому, для кого оно кажется темнымъ, не можетъ объяснено быть болѣе ниже посредствомъ совокупнаго свѣта небеснаго огня. Однако ваши моралисты досадуютъ на то, что міръ таковъ, каковъ онъ есть; и когда доброй Философъ, знающій причины, для чего оной инаковымъ быть не можетъ, находитъ досаду сихъ господъ смѣшною;

то поступаютъ они съ нимъ, какъ бы со врагомъ боговъ и людей; что хотя само по себѣ еще смѣшнѣе, однако когда многожелчные сїи господа одерживаютъ верхъ, то сопровождается иногда сїе ихъ торжество довольно трагическими слѣдствїями.

„Но чтожъ бы по вашему желанїю дѣлать моралистамъ?„

Узнать нѣсколько природу, прежде нежели имъ вздумается, что они лучше знаютъ, нежели сама она; быть миролюбными и сносить терпѣливо глупости и погрѣшности людей, кои должны сносить ихъ собственныя; исправлять примѣрами, вмѣсто того, чтобъ скучать холоднымъ пустословїемъ, и раздражать

колкими поученіями; не требовать никакихъ дѣйствій, которыхъ причины еще не видны, и не желать, чтобъ мы уже достигли вершины горы, прежде нежели взошли на оную.

„ Столь безразсуденъ еще никто не будетъ?,, сказалъ одинъ изъ Абдеритовъ.

Столь безразсудны бываютъ девять изъ десяти законодателей, любителей проэктовъ, школьныхъ учителей, и просвѣтителей рода человѣческаго на всемъ земномъ кругѣ всякой день! — отвѣтствовалъ Демокритъ.

Веселая компанія, которой разсужденія испытателя природы показались уже скучными, отправилась обратно

до-

домой; и на пути, при сїянїи вечерней звѣзды и прїятнаго сумрака, бредили о сфинксахъ, единорогахъ, Гимнософистахъ и щастливыхъ земляхъ; и сколько ни содержалось разности во всѣхъ тѣхъ нелѣпостяхъ, кои говорены были, однако всѣ согласились въ томъ, что Демокритъ страненъ, высокомѣренъ, слишкомъ умничаетъ, и охотникъ пересужать, хотя при всемъ томъ весьма забавенъ. „ Вино его есть самое лучшее, что у него сыскать можно, „ сказалъ совѣтникъ.

Великїй Анубисъ! думалъ Демокритъ, будучи опять на единѣ; чего не должно говорить съ сими Абдеритами, дабы — безъ скуки провести съ ними время!

ГЛАВА XI.

Краткое описанїе Абдеритскихъ Философовъ, и какъ Демокритъ имѣлъ нещастїе, выговоря слова два умныхъ, притти въ весьма худую довѣренность.

Однако не надлежитъ воображать себѣ, что будто всѣ Абдериты безъ изъятїя, по обѣщанїю или по гражданской присягѣ обязаны были, не болѣе имѣть разума, какъ ихъ бабушки, кормилицы и Совѣтники! Абдера, соперница Аѳинъ, имѣла также *Философовъ*, то есть, такихъ, — какихъ имѣла она *живописцевъ и стихотворцевъ*. Славной Софистъ *Протагоръ* былъ Абдеритъ, и оставилъ многихъ учениковъ, кои хотя не сравнились съ нимъ въ остро-

тѣ и краснорѣчіи, однако за то превзошли его въ своемысліи и вздорныхъ мнѣніяхъ.

Они изобрѣли для себя способнѣйшій родъ Философіи, посредствомъ котораго безъ труда находили отвѣтъ на каждой вопросъ, и обо всемъ, что есть подъ солнцемъ и выше онаго, мололи столь проворно, что, — поелику имѣли слушателей всегда одних токмо Абдеритовъ — добрые ихъ слушатели твердо были увѣрены, что ихъ Философы знаютъ о томъ гораздо болѣе ихъ самихъ, хотя въ самомъ дѣлѣ разность не столь была велика, чтобъ разумной человѣкъ не пожалѣлъ дать за то и шелега; ибо наконецъ всегда выходило

то,

то, что Абдеритской Философъ, по вычетѣ длинныхъ пустыхъ словъ, точно зналъ о вещи столькожъ, сколько тотъ изъ Абдеритовъ, которой — думалъ, что онъ знаетъ о ней всѣхъ менѣе.

Философы, уповательно почитая за маловажное вникнуть въ *природу подробнѣе*, занимались одними токмо задачами, внѣ предѣловъ человѣческаго разума находящимися. До сей превыспренности, думали они, никто не послѣдуетъ за нами, кромѣ — нашей братiи; и чтобы мы Абдеритамъ ни проповѣдывали, то мы по крайней мѣрѣ удостовѣрены, что никто насъ во лжи изобличить не можетъ.

На примѣръ, одна изъ любимыхъ ихъ матерій состояла въ вопросѣ: „*какъ, для чего и изъ чего* произошелъ міръ?„

„Онъ произошелъ изъ яица, говорилъ *одинъ*; Еѳиръ былъ бѣлокъ, Хаосъ желтокъ, и ночь высиживала то и другое (*).„

(*) Дабы тѣхъ, кои не читали ни *Діогена Лаэрція*, ни *Делаида*, или критической исторіи Философіи *Брукжеровой*, ни перечней Г. *Формея* или Д. *Бишинга*, вывести изъ ложныхъ догадокъ, то сочинитель напоминаетъ, что всѣ встрѣчающіяся здѣсь положенія могутъ основаться на весьма достопочтенной древности, и отчасти на множествѣ поборниковъ и послѣдователей. Мнѣніе нашего Демокрита есть единственное, которое, уповательно потому, что оно всѣхъ умнѣе, не составило ни одной секты.

„ Онъ произошелъ изъ огня и воды „ сказалъ *другой*.

„ Онъ совсѣмъ не происходилъ, молвилъ *третїй*. Все было всегда такъ, какъ есть, и всегда такъ останется, какъ было.„

Сїе мнѣнїе по причинѣ ловкости своей прїобрѣло въ Абдерѣ великую похвалу. Оно изъясняетъ все, говорили они, и держась его не нужно ломать себѣ голову. *Такъ было всегда*, обыкновенно отвѣтствовалъ Абдеритъ, когда спрашивали его о причинѣ или происхожденїи какой либо вещи; и кто не хотѣлъ тѣмъ удовольствоваться, того почитали тупымъ и непонятнымъ.

„ То, что вы называете мїромъ, вступился *четвертой*, есть

есть собственно вѣчное послѣдствіе міровъ, которые, подобно слоямъ на луковицѣ, лежатъ одинъ на другомъ, и мало помалу раскрываются.,,

Весьма ясно растолковано, вскричали Абдериты, весьма ясно! Они думали, что Философа выразумѣли, когда *весьма хорошо знали, что такое луковица.*

,, Вздоръ! сказалъ *пятой.* Находятся конечно безчисленные міры; однако они происходятъ отъ случайнаго движенія неразделимыхъ пылинокъ, да и то развѣ весьма щастливому надобно быть случаю, когда послѣ тьмами темъ не удавшихся міровъ, выходитъ наконецъ столь же посредственной доброты, какъ нашъ міръ.,,

 ,, Атто-

„Атомы я допускаю, говорилЪ шестой; однако не соглашусь ни на какое движенїе по случаю и безЪ намѣренїя. Атомы суть ничто, или они имѣютЪ опредѣленныя силы и свойства, и смотря потому, какЪ они между собою сходны или несходны, другЪ друга привлекаютЪ, или отражаютЪ отЪ себя. Почему мудрой *Эмпедоклѣ* (которой, какЪ сказываютЪ, для познанїя истиннаго свойства огнедышущей горы Этны, искусно бросился вЪ жерло оныя), думалЪ, что *любовь* и *ненависть* суть первыя причины всѣхЪ сложенїй или составовЪ; и Эмпедоклово мнѣнїе справедливо.„

„Прошу извинить, государи мои; вы всѣ говорите

чепуху, сказалъ Философъ Сизамисъ. Изъ вашего *таинственнаго яица*, вашего *союза между огнемъ и водою*, вашихъ *атомовъ*, вашихъ *гомеомерій* (подобныхъ частей), вѣчно не произойдетъ міръ, когда вы не возьмете въ помощь никакого духа. Міръ, такъ какъ каждое другое животное, составленъ изъ вещества и духа. Духъ даетъ веществу *видъ*; оба соединены отъ вѣка; и поелику всѣ порознь тѣла разрушаются, какъ скоро оставлены будутъ духомъ, содержавшимъ ихъ части, то, естьлибъ всеобщій духъ міра пересталъ содержать и оживотворять вселенную, превратились бы въ ту же минуту небо и земля въ еди-

 ной,

ной, ужасной, безобразной и мертвой хаосъ.,,

Сохрани насъ отъ того Юпитеръ и Латона! вскричали Абдериты, которые испугались слыша толь страшныя угрозы. Нѣчего опасаться, сказалъ жрецъ *Стробилъ*; доколѣ мы имѣемъ *лягушекъ Латоны* въ стѣнахъ нашихъ, то *всеобщїй духъ Сизамисовъ* конечно не разсудитъ за благо произвесть такого нестроенїя въ мїрѣ.

,, Друзья мои, говорилъ *осьмой*, всеобщїй духъ мудраго Сизамиса съ атомами, симпатїями, луковицами и яицами моихъ товарищей есть одного разбору. Мы должны принимать *Демїурга*, когда хотимъ имѣть мїръ; ибо всякое зданїе предполагаетъ Архитектора,

ра, или по крайней мѣрѣ плотника; и *ничего не дѣлается само собою*, какъ мы всѣ знаемъ.„

Однако всегда говорится: *это само собою придетъ, это само собою будетъ* — сказали Абдериты.

„Говорится такъ, отвѣчалъ Философъ; однако, гдѣ вы видали когда нибудь, чтобъ такъ дѣйствительно происходило? Я конечно тысячу разъ слыхалъ отъ нашихъ Архонтовъ: это сбудется, случится! то или другое сдѣлается! Но мы долго ожидали! оное не сбывалось, не случалось, и не дѣлалось„

Сущая правда, что принадлежитъ до *дѣлъ нашихъ Архонтовъ*, (сказалъ одинъ старой *башмашникъ*, которой

у народа почитался за умнаго и знающаго, и великую имѣлъ надежду, что при слѣдующемъ выборѣ добьется въ *цеховые мастера*); но *дѣла природы*, каковъ есть *мїръ*, могутъ быть другаго свойства. Для чего бы мїръ не могъ также произрасти изъ хаоса, какъ грибъ произрастаетъ изъ земли?

„Другъ мой, продолжалъ Философъ, въ цеховые мастера будешь ты имѣть мой и всей моей родни голосъ; но чуръ не дѣлать никакихъ возраженїй противъ моей системы, естьли просить смѣю! Грибы конечно растутъ сами собою изъ земли, понеже — понеже — понеже они грибы; но мїръ не произрастаетъ самъ собою, понеже онъ не грибъ; раз-

разумѣешь ли меня теперь, другъ мой?„

Всѣ смѣялись изо всей мочи, что Пфримъ, такъ назывался мастеровой, былъ ловко отпотчиванъ.„ Мiръ не грибъ: это яснѣе полуденнаго свѣта, вскричали Абдериты; тутъ не чего противоположить; не такъ ли?„

Провалитесь вы! пробормоталъ будущiй цеховой мастеръ; вотъ каково имѣть дѣло съ тѣми, которые могутъ доказать, что снѣгъ бѣлъ.

„ *Развѣ хочешь ты сказать, что онъ черенъ, дорогой сосѣдъ.*„

Я знаю, что сказалъ, и что сказать хотѣлъ, отвѣчалъ Пфримъ; и желаю только, чтобъ республика —

„Не позабудь четырнатцати голосовъ, которые я тебѣ доставилъ!„ вскричалъ Философъ. —

Хорошо, хорошо! все хорошо! Но *Деміургъ* — отзывается въ ушахъ моихъ такъ какъ *Демагогъ*; и я не хочу имѣть ни Демагоговъ, ни Деміурговъ; я стою *за вольность*, и кто доброй Абдеритъ, тотъ махни шляпою и ступай за мною!

Послѣ сего мастеровой пошелъ прочь; (Читатель примѣтитъ самъ, что все сіе говорено было на одной Абдеритской площади); и нѣсколько праздношатающихся, которые обыкновенно вездѣ его провожали, послѣдовали за нимъ.

Но

Но Философъ притворясь, будто того не примѣтилъ, продолжалъ такъ: „Безъ строителя Деміурга, или какъ бы вы его ни именовали, не можетъ по мудрымъ правиламъ созданъ быть никакой міръ. Но, внемлите; отъ Деміурга зависѣло, хочетъ ли онъ создать; и посмотримъ, какъ онъ началъ. Представьте себѣ матерію, какъ ужасную громаду совершенно плотнаго хрусталю (*) и Деміурга, большимъ алмазнымъ молоткомъ разбивающаго сію громаду однимъ разомъ въ толь многія безконечно малыя частицы, что оныя по пустому простран-ству

(*) И такъ сей Философъ былъ Картезіанецъ прежде Картезія.

ству носились на многіе миліоны кубическихъ миль. Натурально, что сіи безконечно малыя частицы хрусталю разламывались различнымъ образомъ; и между тѣмъ, какъ онѣ со всею стремительностію движенія, причиненною имъ ударомъ алмазнаго молотка, тысячью способами другъ противъ друга отскакивали, и между собою со всѣхъ сторонъ приражались, ударялись и терлись: то необходимо изъ сего произошло безчисленное множество малѣйшихъ тѣлъ, имѣющихъ всякія правильныя и неправильныя фигуры, какъ то: треугольныя, четыреугольныя, осьмиугольныя, многоугольныя и круглыя. Изъ круглыхъ произошли *вода и воздухъ*, кото-

рой

рой есть не иное что, какъ утонченная вода; изъ треугольныхъ *огонь*; изъ прочихъ же *земля*, а изъ сихъ четырехъ *стихій* природа, какъ вы знаете, составляетъ всѣ тѣла въ мірѣ.

Это *удивительно*, весьма удивительно! Однакожъ *понимать можно*, сказали Абдериты. Громада изъ хрусталю, алмазный молотокъ, и Деміургъ, разбивающій хрусталь толь искусно въ мѣлкія части, что изъ отколковъ, безъ дальнѣйшаго его труда, происходитъ міръ! Въ самомъ дѣлѣ остроумнѣйшее положеніе, какое токмо видѣть можно, но при всемъ томъ столь просто, что подумаешь, будто всякую минуту самому изобрѣсти можно!

„По-

„Посредствомъ сего толь простаго предположенія изъясню я всѣ возможныя дѣйствія природы„ сказалъ Философъ съ улыбкою, означавшею собственное его удовольствіе.

„Ни на волосъ, вскричалъ *девятой*, по имени *Демонаксъ*, которой доводамъ своихъ собратій внималъ доселѣ съ презрительнымъ молчаніемъ. Другія силы и мѣры потребны къ тому, чтобъ произвести толь великую, прекрасную и удивительную громаду, каковъ сей міръ. Токмо всесовершенной разумъ могъ начертать *планъ* онаго, хотя я допускаю, что къ *исполненію* по немъ довольно было меньшихъ строителей. Онъ предос-

оставилъ его разнымъ классамъ подчиненныхъ боговъ, преднаписалъ каждому особой для него кругъ дѣйствованія, и довольствовался всеобщимъ управленіемъ вселенной. Смѣшно то, естьли происхожденіе тѣлъ въ мірѣ, земли, растѣній, животныхъ, и всего находящагося въ воздухѣ производить изъ атомовъ или симпатій, или отъ случайнаго движенія, или отъ одного удара молоткомъ. Духи владѣютъ стихіями, обращаютъ небесные круги, образуютъ чувственныя тѣла, испещряютъ весеннее одѣяніе природы цвѣтами, и обогащаютъ лоно ея плодами осени. Можетъ ли что быть вразумительнѣе и пріятнѣе сей теоріи? Она объясняетъ все, она выводитъ

дитЪ каждое дѣйствїе изЪ соотвѣтственной ему причины; и чрезЪ нее понимать можно неизЪяснимое вЪ каждой другой системѣ *искусство природы* столь же легко, сколько понятно то, какимЪ образомЪ ЗевксЪ или Парразїй малымЪ количествомЪ окрашенной земли можетЪ представить очаровательную страну или построить баню для Дїаны;,,

Какое прекрасное дѣло знать Философїю, говорили Абдериты; все, что только вЪ ней похулить можно, есть *трудность между толь многими остроумными теорїями сдѣлать выборЪ.*

Между тѣмЪ *Пиѳагорейцъ*, которой все производилЪ чрезЪ духовЪ, былЪ щастливѣе всѣхЪ.

всѣхъ. *Стихотворцы, живописцы* и прочїе *любимцы муз*, подъ предводительствомъ всѣхъ *дамъ въ Абдерѣ*, объявили себя со стороны — духовъ; однакожъ съ тѣмъ условїемъ, чтобъ имъ позволено было представлять ихъ въ такомъ прїятномъ видѣ, въ какомъ каждому угодно.

Я никогда не былъ великой охотникъ до Философїи, (сказалъ *жрецъ Стробилъ*), и не безъ причины; но когда уже Абдериты не хотятъ отстать отъ умничанья *о причинѣ, свойствахъ и предметѣ* вещей, то я противъ Физики Демонаксовой всего менѣе возразить могу; съ нѣкоторыми перемѣнами она таки годится. —

„ О! она годится ко всему, сказалъ Демонаксъ: въ этомъ то и состоитъ ея совершенство!„

Открыть ли вамъ мое мнѣнїе? вступилъ въ рѣчь Демокритъ. Естьли вы въ самомъ дѣлѣ находите за нужное познать свойства вещей, васъ окружающихъ, то кажется мнѣ вы затѣваете чрезвычайныя околичности. Свѣтъ весьма великъ; и отъ той точки пребыванїя, изъ которой мы на него смотримъ до главнѣйшихъ его провинцїй, столичныхъ городовъ, такъ далеко; — что я не понимаю, какъ иному изъ насъ вспадетъ на умъ, разсматривать карту такой земли, въ разсужденїи которой, (выключая деревнишку, гдѣ онъ родился) все

прочее, и даже границы не извѣстны. Я думаю, что прежде, нежелибъ мы приступили къ мечтаніямъ о *козмогоніяхъ и козмологіяхъ*, лучшебъ сѣли и наблюдали на пр. происхожденіе ткани паука; и сіе бы наблюденіе продолжали до тѣхъ поръ, пока бы узнали объ ономъ столько, сколько *пять человѣческихъ чувствъ, изощренныхъ разумомъ*, открыть могутъ. Вы будете имѣть довольно упражненія: въ этомъ можете положиться на меня. Вы сами узнаете, что сія единая ткань паука подастъ вамъ болѣе *развязки о великой системѣ природы, и поселитъ въ васъ достойнѣйшія понятія о виновникѣ ея*, нежели всѣ тонкія системы міра, которыя вы ме-

между сномъ и бдѣнïемъ со-ставили изъ собственной го-ловы вашей.

Демокритъ такъ думалъ дѣйствительно; но Абдерит-скïе Философы почли, что онъ надъ ними издѣваться хо-четъ. Онъ совсѣмъ не раз-умѣетъ *Пневматики* (духо-словïя), сказалъ одинъ. Еще менѣе *Физики*, примолвилъ другой. Онъ *Сцептикъ — онъ не принимаетъ никакихъ ко-ренныхъ пружинъ — никакого духа въ мïрѣ — никакого Де-мïурга — никакого бога!* — сказалъ третïй, четвертой, пятой, шестой и седьмой. *Такихъ людей совсѣмъ въ об-ществѣ терпѣть не должно,* сказалъ *жрецъ Стробилъ.*

ГЛАВА XII.

Демокритъ отъѣзжаетъ далѣе отъ Абдеры. Чѣмъ онъ занимается въ своемъ уединенiи. Онъ приходитъ у Абдеритовъ въ подозрѣнiе, что упражняется въ волшебствѣ. Опытъ, сдѣланной имъ при семъ случаѣ надъ Абдеритскими дамами, и слѣдствiя онаго.

При всемъ томъ Демокритъ былъ *другомъ человѣковъ* въ подлиннѣйшемъ знаменованiи сего слова. Ибо онъ любилъ человѣчество, и ничему столько не радовался, какъ когда могъ отвратить какое нибудь зло, и произвесть какое нибудь добро, или по крайней мѣрѣ споспѣшествовать оному. И хотя онъ думалъ, что характеръ

гражданина міра заключаетъ въ себѣ такія отношенія, при которыхъ, въ противоположенномъ случаѣ, всѣ другія оставить должно; однако, будучи *гражданиномъ Абдеры*, почиталъ себя не менѣе обязаннымъ принимать въ состояніи своего отечества участіе, и, сколько можно, способствовать къ поправленію его. Но какъ добро оказывать можно токмо въ той мѣрѣ, въ какой оное другому совмѣстно быть можетъ: то онъ способность свою къ тому безчисленными препятствіями, отъ Абдеритовъ ему противополагаемыми, нашелъ стѣсненною въ толь малые предѣлы, что, по мнѣнію его, имѣлъ причину почитать себя въ сей

малой республикѣ такимъ человѣкомъ, безъ котораго совершенно обойтись можно. Всего для нихъ нужнѣе, думалъ онъ, и всего полезнѣе есть то, чтобъ сдѣлать ихъ умными. Однако Абдериты люди свободные. Естьли они не *хотятъ* быть умными, кто ихъ къ тому принудитъ?

А какъ онъ при сихъ обстоятельствахъ могъ для Абдеритовъ, такъ какъ Абдеритовъ, сдѣлать мало или совсѣмъ ничего, то думалъ, что имѣетъ довольное право, по крайней мѣрѣ обезопасить собственную свою особу, и сберечь, сколько возможно, большую часть того времени, которымъ, по его мнѣнію, обязанъ онъ исполненію сво-

ихъ должностей, яко гражданина міра.

Поелику же прежнее его убѣжище или отъ Абдеры не довольно далеко было, или по причинѣ своего положенія и другихъ выгодностей имѣло для Абдеритовъ столько прелестей, что онъ не смотря на пребываніе свое въ деревнѣ, всегда ими окруженъ былъ: то переселился онъ на нѣсколько миль еще далѣе въ лѣсъ, принадлежавшій къ его помѣстью, и построилъ себѣ въ самой дикой странѣ онаго малой домикъ, гдѣ онъ наиболѣе — въ уединенной тишинѣ, которая есть стихія, свойственная Философамъ и стихотворцамъ, — занимался изслѣдованіемъ и наблюденіемъ природы.

Нѣ-

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Ученыхъ — Абдериты ли то, или нѣтъ, сіе оставимъ мы здѣсь безъ рѣшенія — сдѣлали себѣ объ упражненіяхъ сего *Греческаго Бакона* въ его уединеніи странныя, хотя съ ихъ стороны весьма натуральныя понятія. „Онъ трудился надъ изобрѣтеніемъ *философскаго камня*, *говоритъ Боррихій*; его нашелъ, и дѣлалъ золото.„ Въ доказательство того ссылается онъ на книгу, написанную Демокритомъ *о камняхъ и металлахъ*.

Абдериты, его современники и сограждане, простирались еще далѣе; и догадки ихъ, — кои въ Абдеритскихъ головахъ весьма скоро претворились въ досто-

вѣрность, — основывались на столь же здравыхъ заключеніяхъ, какъ и Боррихіевы. Демокритъ воспитанъ *Персидскими Магами* (*); дватцать лѣтъ странствовалъ по *восточнымъ землямъ*; обходился съ *Египетскими жрецами*, *Халдеями*, *Брахманами* и *Гимнософистами*, и посвященъ во всѣ ихъ таинства; изъ путешествій своихъ привезъ съ собою тьму несвѣдомыхъ рѣдкостей, и знаетъ тьмами темъ вещей, изъ которыхъ ни одна никогда не при-

(*) *Ксерксъ*, которой во время своего похода противъ Грековъ имѣлъ нѣсколько дней главную свою квартиру въ Абдерѣ у отца Демокритова, полюбилъ Демокрита, бывшаго тогда еще въ весьма молодыхъ лѣтахъ; и для лучшаго его воспитанія оставилъ двухъ изъ Маговъ, коихъ онъ при себѣ имѣлъ. *Діоген. Лаэрц.*

приходила на мысль Абдериту. — Все сіе вмѣстѣ не служило ли совершеннымъ доказательствомъ, что онъ долженствовалъ быть *искуснѣйшимъ мастеромъ въ Магіи* и во всѣхъ отъ нее зависящихъ наукахъ? — Достопочтенный Патеръ *Делріо* велѣлъ бы сжечь Гишпанію, Португаллію и Алгарбію за половину такого доказательства, каково сіе было.

Но добрые Абдериты имѣли еще ближайшія доказательства въ рукахъ, что ученой ихъ соотчичь — нѣсколько колдавать умѣетъ. Онъ предсказывалъ *солнечныя и лунныя затмѣнія, неурожай хлѣба, повѣтрія и другія будущія приключенія.* Онъ одной влюбленной дѣвушкѣ смотря на

руку

руку предвѣщалъ, что она — впадетъ въ искушенїе, и одному совѣтнику Абдеритскому, котораго вся жизнь раздѣлена была между сномъ и пиршествомъ, что онъ — умретъ отъ несваренїя желудка; и то и другое сбылось подлинно. Кромѣ того въ его кабинетѣ видали книги съ *чудными знаками*; заставали его при разныхъ, *надобно думать*, магическихъ опытахъ въ крови птичей и звѣриной; видали, какъ онъ варилъ *подозрительныя* травы; и даже нѣкоторые молодые люди заставали его въ глухую полночь сидящаго при весьма блѣдномъ лунномъ сїянїи между могилами. ,,Для устрашенїя его надѣвали мы на себя ужаснѣйшїя личины, говорили они; мы показывались съ рогами,

ни, имѣя козьи ноги, драконовъ хвостъ: однимъ словомъ, ничего намъ не доставало для представленія сущихъ дьяволовъ и ночныхъ привидѣній; мы пышали изъ ноздрей и изъ ушей дымомъ, и дѣлали вокругъ его такія страшныя движенія, что и Геркулесъ учинился бы трусливою женщиною. Но Демокритъ не смотрѣлъ на насъ; и какъ мы ему наконецъ наскучили, то сказалъ онъ: ну, долго ли еще дѣтскими шалостями забавляться будете (*)? — „

Вотъ очевидные признаки, говорили Абдериты, что онъ поступаетъ такъ не съ проста; духи для него не диковинка; онъ конечно гораздо знакомъ съ ними! —

„Онъ

(*) См. Лукіан. въ Филопсевдѣ.

„Онъ чародѣй: ничто не можетъ быть сего достовѣрнѣе, сказалъ жрецъ Стробилъ; за нимъ смотрѣть надобно нѣсколько получше!„

Должно признаться, что Демокритъ, или по неосторожности, или, (что вѣроятнѣе) поелику мало уважалъ мнѣнiе своихъ единоземцовъ, подавалъ нѣкоторой случай къ тѣмъ или другимъ о себѣ худымъ слухамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не льзя было долго жить между Абдеритами, чтобъ не впасть въ искушенiе, *насказать имъ небылицъ*. Къ сему побуждался онъ любопытствомъ и легковѣрностiю ихъ съ одной, и высокимъ мечтанiемъ; каковое они о собственномъ своемъ остроумiи имѣли, съ другой стороны; сверхъ

сверхъ же того не было никакого средства замѣнить скуку съ ними въ компанiи. Демокритъ не рѣдко находился въ таковомъ случаѣ; и какъ Абдериты столь были безтолковы, что все *иронически* имъ сказыванное принимали въ *буквальномъ смыслѣ*, то произошли изъ сего тѣ многiя нелѣпыя мнѣнiя и сказки, которыя на его счетъ были изданы въ свѣтъ, и еще чрезъ многiя столѣтiя послѣ его смерти принимаемы были отъ другихъ Абдеритовъ за наличныя деньги, или по крайней мѣрѣ ему самому несправедливымъ образомъ приписываны.

Демокритъ занимаясь между прочимъ и Физiогномiею, сочинилъ для себя частiю изъ

собственныхЪ своихЪ, частїюжЪ изЪ сообщенныхЪ ему другими наблюденій теорїю оной, обЪ употребленіи которой, кажется намЪ, весьма разумно судилЪ онЪ, что она такогожЪ свойства, *какЪ и теорїя стихотворной или другой какой либо науки.* Ибо какЪ еще никто чрезЪ одно токмо знанїе правилЪ не дѣлался хорошимЪ стихотворцемЪ или художникомЪ, и токмо тотЪ, котораго природныя таланты, рачительное ученїе, неусыпное прилѣжанїе и долговременное упражненїе сдѣлали стихотворцемЪ или художникомЪ, способенЪ прямо разумѣть и употреблять правила своего искусства: то и теорїя *науки, по наружности человѣка* заключать *о его вну-*

внутренности, полезна токмо для людей имѣющихъ великой навыкъ въ наблюденіи и различеніи, напротивъ того для каждаго другаго весьма недостовѣрна и обманчива; и потому самому должна она, какъ одна изъ тайныхъ наукъ или великихъ мистерій Философіи всегда предоставляема быть токмо малому числу *Эпоптовъ* (*).

Таковой образъ мыслей объ ней доказывалъ, что Демокритъ не былъ шарлатанъ, однакожъ Абдеритамъ оной доказывалъ единственно, что Философъ науку свою дѣ-

(*) *Эпоптами* назывались тѣ, кои по выдержаніи опытовъ допускаемы были къ *созерцанію* великихъ таинствъ Элевзинскихъ. См. *Warburton's* Divine Legation Vol. I. p. 155. четв. издан.

ляетъ таинственною. Почему когда доходила до того рѣчь, то они не переставали мучить и принуждать его, чтобъ онъ открылъ имъ изъ ней хотя нѣсколько. Особливо овладѣло любопытство Абдеритянками. Онѣ хотѣли слышать отъ него — по какимъ наружнымъ примѣтамъ можно узнать вѣрнаго любовника? *Милонъ Кротонскій* (*) весьма ли великой имѣлъ носъ? блѣдной цвѣтъ лица всегда ли есть необходимою примѣтою влюбленнаго? — Они дѣлали ему

(*) Такой человѣкъ, объ удивительной тѣлесной силѣ и прожорливости котораго баснословные Грекулы повѣствуютъ неслыханныя вещи; на прь что онъ откормленнаго быка несъ триста шаговъ на плечахъ, и убивъ его за одинъ разъ кулакомъ, съѣлъ всего въ одинъ день.

ему тысячу другихъ такихъ вопросовъ, коими терпѣніе его поколебали такъ, что онъ вздумалъ наконецъ нѣсколько ихъ постращать, дабы только развязаться съ ними.

Но того вы себѣ конечно не представляли, сказалъ Демокритъ, что дѣвственность можетъ имѣть необманчивой признакъ въ глазахъ?

„Въ глазахъ? вскричали Абдеритянки. О! этому статься не льзя! для чего точно въ глазахъ?„

Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Демокритъ; и вы можете мнѣ безъ ошибки повѣрить, что сей признакъ уже не однократно открывалъ мнѣ о тайностяхъ молодыхъ и старыхъ красавицъ болѣе, нежели сколь-

кобъ имъ угодно было, обнаружить мнѣ оныя добровольно (*).

Увѣрительной тонъ, съ каковымъ онъ произнесъ сїе, причинилъ то, что нѣкоторыя дамы перемѣнились въ лицахъ, хотя Абдеритянки (во всякомъ случаѣ, гдѣ дѣло доходило до общей безопасности ихъ пола, стоявшїя обыкновенно за себя дружно) утверждали съ великимъ жаромъ, что мнимая его тайность есть сущїй вздоръ.

Вы невѣрїемъ вашимъ принуждаете меня, чтобъ я сказалъ

(*) Проницательностїю, половинѣ человѣческаго рода ненавистною — называетъ сїе Іог. Хризостомъ *Магненъ*, въ описанiи имъ жизни Демокритовой.

залъ вамъ еще болѣе, продолжалъ Философъ. Природа наполнена таковыми тайностями, прекрасныя дамы; и за чѣмъ жебы мнѣ, естьлибъ не стоило труда, странствовать даже до Еѳіопіи и Индіи? Гимнософисты, коихъ жены — какъ вы знаете — ходятъ наги, открыли мнѣ весьма много хорошаго.

„ На примѣръ?„ — сказали Абдеритянки.

Между прочимъ тайность, которой, естьлибъ я былъ супругомъ, лучше бы знать не желалъ.

„ Ахъ, теперь мы дознались, для чего Демокритъ не намѣренъ жениться, „ вскричала прекрасная *Тріаллида*.

„ Какъ будтобъ намъ уже давно не извѣстно было, ска-

зала *Силабанда*, что Еѳіопская Венера дѣлаетъ его къ нашей Греческой столь нечувствительнымъ. — Но какаяжъ ваша тайность, Демокритъ, естьли ее цѣломудренному слуху ввѣрить можно.,,

Въ доказательство того, что можно, ввѣрю я слуху всѣхъ здѣсь присутствующихъ красавицъ, отвѣчалъ испытатель естества. Я знаю одно необманчивое средство, какъ сдѣлать, чтобъ женщина во снѣ явственнымъ голосомъ сказала все, что у ней на сердцѣ.

,, О перестаньте, вскричали Абдеритянки; вы хотите насъ стращать; но — мы не такъ легко испугаться можемъ.,,

Кто объ этомъ и думаетъ, сказалъ Демокритъ, когда рѣчь идетъ о средствѣ, чрезъ которое каждой честной супругѣ откроется случай показать, что она не имѣетъ никакихъ тайностей, которыхъ бы не зналъ ея супругъ?

„Дѣйствительно ли ваше средство и въ незамужнихъ?„ спросила одна Абдеритянка, которая ни по лѣтамъ, ни по прелестямъ своимъ, казалось, не имѣла права сдѣлать таковой вопросъ.

Оно дѣйствуетъ отъ десятаго года до восьмидесятаго, отвѣчалъ Демокритъ, безъ отношенія къ другому какому либо обстоятельству, въ которомъ женщина находиться может.

Разговоръ началъ становиться важнымъ. — „Но вы шутите только Демокритъ?„ говорила супруга одного *Тесмотета* не безъ тайной робости, что ее увѣрятъ въ противномъ.

Хотите ли выдержать опытъ, Лизистрата?

„Опытъ? — Для чего не такъ? — съ условіемъ напередъ, чтобъ ничего магическаго притомъ употребляемо не было. Ибо помощію вашихъ талисмановъ и духовъ можете вы бѣдную женщину заставить сказать то, что вамъ за благо разсудится.„

Нѣчего тутъ дѣлать ни духамъ, ни талисманамъ: все обойдется натурально. Средство, мною употребляемое, есть

есть самая простая вещь въ свѣтѣ.

Дамы при всѣхъ ухватках храбрости, къ которымъ себя принудить старались, начали обнаруживать безпокойство, которое Философа весьма увеселяло. „ Естьлибъ мы не знали, что вы насмѣшникъ, которой издѣвается надъ цѣлымъ свѣтомъ. — Но можно ли спросить, въ чемъ состоитъ ваше средство?,,

Какъ я вамъ сказывалъ, оно весьма натуральное. Самую малую безвредную вещицу положить спящей женщинѣ на грудь; вотъ вся тайность; но она творитъ чудеса, въ семъ можете вы мнѣ повѣрить. Она заставляетъ говорить, доколѣ еще въ самыхъ внутреннихъ изгибахъ

сердца что нибудь открыть можно.

Между семью женщинами, находившимися въ компанїи, была токмо одна, которой видъ и движенїя не измѣнились и остались по прежнему. Подумаетъ кто, что она была стара, или дурна, или весьма добродѣтельна; но все не то! Она была. — глуха.

„Ежели вы хотите, чтобъ мы вамъ повѣрили, Демокритъ, то назовите сїе средство.„

Я скажу почтенному супругу прекрасной *Трїаллиды* на ухо, отвѣчалъ злоумышленной Естествословъ.

Супругъ прекрасной Трїаллиды, имѣя оба глаза, былъ столь щастливъ, сколь *Гагедорнъ* почитаетъ счастливымъ

вымъ слѣпаго, у котораго жена красавица. Онъ всегда имѣлъ хорошую компанїю въ своемъ домѣ. Простодушной мужъ думалъ, что находятъ удовольствїе въ его обхожденїи, и въ стихахъ, кои онъ обыкновенно прочитывалъ своимъ посѣтителямъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ дарованїе худые стихи, имъ сочиняемые, читать не худо; и послику онъ читалъ ихъ съ великимъ жаромъ: то не примѣчалъ, какъ его слушатели, вмѣсто того, чтобъ внимать его стихамъ, амурились съ прекрасною Трїаллидою.

Кратко сказать, совѣтникъ *Смилаксъ*, былъ такой мужъ, которой столь хорошаго былъ о самомъ себѣ мнѣнїя, что не могъ быть худаго

то о добродѣтели своей супруги.

И такъ онъ не размышляя ни одной минуты преклонилъ слухъ свой къ Демокритовой тайности.

Ничего болѣе, шепнулъ ему Философъ на ухо, какъ языкъ живой лягушки положить спящей дамѣ на лѣвую грудь. Но вырывая оной должны вы беречься, чтобъ не захватить ничего изъ прикосновенныхъ къ нему частей, и лягушку должно опять пустить въ воду.

„ Это средство кажется не худо, сказалъ Смилаксъ по тихоньку; жаль только, что оно нѣсколько опасно! Что скажетъ на то жрецъ Стробилъ?„

Не безпокойтесь о томъ, продолжалъ Демокритъ; лягушка вить не Діана, что бы жрецъ Стробилъ ни говорилъ. А къ томужъ она и не лишается жизни.

,,И такъ позволите ли сообщить далѣе?,, спросилъ Смилаксъ.

Съ великою охотою! Всѣ мущины въ компаніи могутъ узнать о томъ, и каждой можетъ не обинуясь открыть то всѣмъ своимъ знакомцамъ; токмо съ тѣмъ условіемъ, чтобъ никто не пересказывалъ того ни своей супругѣ, ни любовницѣ.

Добрыя Абдеритянки не знали, что о семъ дѣлѣ думать. Невозможнымъ оно имъ не казалось, да и что долженствовало Абдеритамъ казаться

ся невозможнымъ? — Присутствовавшіе ихъ мужья или любовники, были сами почти не спокойнѣе ихъ; каждой рѣшился втайнѣ безъ отлагательства извѣдать средство, и каждой (выключая щастливаго Смилакса) опасался, что онъ чрезъ то учинится болѣе свѣдущимъ, нежели сколько желалъ.

„ Не правда ли, муженекъ — сказала Тріаллида своему супругу, потрепавъ его ласково за щеки; ты вить обо мнѣ столько увѣренъ, что не имѣешь нужды въ такомъ опытѣ.„

„ Моему пожалуй эшакое что нибудь придетъ на умъ, сказала *Лагиска*. Однако опытъ предполагаетъ сомнѣнія, а мужъ, которой сомнѣвается

въ добродѣтели своей жены —,,

Есть такой мужъ, которой находится въ опасности, сомнѣнія свои видѣть превращенными въ достовѣрность, примолвилъ Демокритъ, примѣтя, что она остановилась. Не то ли вы хотѣли сказать, прекрасная Лагиска?

,, Вы непріятель женщинъ, Демокритъ, вскричали всѣ Абдеритянки; но не забудьте, что мы во Ѳракіи, и берегитесь участи Орфеевой!,,

Хотя сіе сказано въ шутку, однакожъ думано въ правду. Натурально, никто не захочетъ, чтобъ безъ нужды наводили на него безсонницу; намѣреніе, въ которомъ мы Философа тѣмъ менѣе оправдать можемъ, поелику онъ

дол-

долженъ былъ необходимо предвидѣть слѣдствія своего вымысла. Дѣйствительно сіе дѣло заставило семерыхъ дамъ такъ задуматься, что онѣ всю ночь не смыкали глазъ; и какъ мнимая тайность Демокритова въ слѣдующій день промчалась по всей Абдерѣ, то причинила чрезъ то нѣсколько ночей сряду всеобщую безсонницу.

Между тѣмъ дамы замѣняли днемъ, чего онѣ лишались ночью; и какъ инымъ не вспало на умъ, что сообщенное средство, когда онѣ днемъ спать будутъ, надъ ними также какъ и ночью можетъ употреблено быть, и потому позабывали запирать свою спальню: то мужьямъ ихъ нечаянно открывался случай

вос-

воспользоваться лягушечьими языками. Лизистрата, Тріаллида, и нѣкоторыя другія, оказавшія себя всѣхъ отважнѣе, были первыя, надъ которыми предпринятъ опытъ съ такимъ успѣхомъ, какой легко предвидѣть можно. Но сіе-то самое вскорѣ и возстановило по прежнему спокойствіе въ Абдерѣ. Мужья сихъ красавицъ употребивъ средство отъ двухъ до трехъ разъ безъ успѣха, прибѣжали опрометью къ нашему Философу, дабы освѣдомиться, что это значитъ. Ну, вскричалъ онъ, подѣйствовалъ ли лягушечій языкъ? исповѣдовались ли ваши супруги? — Мы не слыхали ни одного слова, сказали Абдериты. Тѣмъ лучше, продолжалъ Философъ; теперь

торжествуйте! Когда спящая женщина съ лягушечьимъ языкомъ на сердцѣ ничего не говоритъ, то это знакъ, что ей — говорить нѣчего. Я поздравляю васъ, государи мои! Каждой изъ васъ похвалиться можетъ, что онъ имѣетъ Феникса изъ женщинъ въ своемъ домѣ.

Кто былъ тогда щастливѣе Абдеритовъ! Они съ такоюжъ поспѣшностїю возвращались назадъ, съ какою приходили, бросались къ изумленнымъ своимъ женамъ на шею, задушали ихъ поцѣлуями и объятїями, и признавались откровенно, что они дѣлали, дабы въ добродѣтели любезныхъ половинъ своихъ (хотя мы о томъ уже удостовѣрены были,

ли, говорили они) удостовериться еще болѣе.

Добрыя женщины не знали, вѣрить ли имъ своимъ чувствамъ. Но хотя онѣ были Абдеритянки, однако столько умны, что приходили въ себя, и мужьямъ своимъ дѣлали за такую грубую недовѣрчивость, какова та, въ коей онѣ сами себя обвиняли, строгіе выговоры. Нѣкоторыя изъ нихъ даже прослезились; но всѣ съ трудомъ могли скрыть радость, причиненную имъ толь *нечаяннымъ* подтвержденіемъ ихъ добродѣтели; и хотя онѣ, изъ благопристойности, должны были бранить Демокрита, однако не было ни одной, которабъ не хотѣла его за то обнять, что онъ оказалъ

имъ весьма полезную услугу. Всеконечно это не то было, чего онъ желалъ. Но слѣдствія сей одной невинной шутки могло его научить, *что съ Абдеритами и съ довольною осторожностію шутить не можно!*

Между тѣмъ, какъ всѣ вещи въ семъ мірѣ производятъ не одно дѣйствіе, то равномѣрно и изъ злоключенія, причиненнаго Философомъ Абдеритамъ противъ его намѣренія, произошло болѣе добра, нежели уповательно ожидать бы было можно, когдабъ лягушечій языкъ подѣйствовалъ. Мужья женъ неограниченною *безпечностію*, а жены мужей *угожденіемъ* и *веселымъ духомъ* дѣлали щастливыми. Нигдѣ въ свѣтѣ не видно было

ло совершаемыхъ съ большимъ удовольствїемъ браковъ, какъ въ Абдерѣ. И при всемъ томъ лбы у Абдеритовъ были столь же гладки, и — *уши* и языки у Абдеритянокъ столь же цѣломудренны, какъ и у другихъ людей, имъ подобныхъ.

ГЛАВА XIII.

Демокритъ долженъ Абдеритянокъ научить птичьему языку. Предложенный мимоходомъ опытъ, какъ онѣ воспитывали своихъ дочерей.

Въ другой разъ случилось, что Демокритъ въ одинъ прекрасной весеннїй вечеръ находился съ компанїею въ одномъ изъ увеселительныхъ садовъ, которыми Абдериты

украсили страну вокругъ ихъ города.

Въ самомъ дѣлѣ украсили? „ — Сего точно не было: ибо откуда бы Абдеритамъ взять, что природа красивѣе искусства, и что *мастерить* и *украшать* не все одно?„ — Однако теперь не о томъ рѣчь.

Компанія на мягкой цвѣтами устланной муравѣ расположилась подъ тѣнію въ кружокъ. На вѣтвяхъ вблизи стоящаго дерева пѣлъ соловей. Одна молодая Абдеритянка, четырнатцати лѣтъ, казалось, чувствовала притомъ нѣчто, чего прочія не чувствовали. Демокритъ сіе примѣтилъ. Въ глазахъ дѣвицы изображалась кротость. Жаль, что ты Абдеритянка!

думалъ онъ. Къ чему тебѣ въ Абдерѣ душа чувствительная? Она сдѣлаетъ тебя только нещастною. Но нѣчего опасаться! Что воспитанiемъ твоей матери и бабки оставлено въ тебѣ безъ поврежденiя, то разрушатъ дѣтки нашихъ Архонтовъ и Притановъ, и что сими пощажено будетъ, то растлитъ примѣръ твоихъ подругъ. Менѣе, нежели въ четыре года, будешь ты Абдериткою подобно другимъ; и какъ скоро ты узнаешь, что лягушечiй языкъ на сердцѣ ничего не значитъ —

Что вы думаете, прекрасная *Маннiонъ*? сказалъ Демокритъ оной дѣвушкѣ.

„Я думаю, какъ бы тамъ сѣсть подъ дерево, чтобъ

безпрепятственно могла слушать этова соловья.„

Глупенькая! сказала мать ея. Да развѣ ты еще не слыхала соловья?

„*Маннїонѣ* должно отдать справедливость, сказала прекрасная *Трїаллида.* Я сама чрезвычайно люблю слушать соловьевъ. Они поютъ съ такимъ жаромъ, и въ перебиранїи голоса ихъ есть нѣчто толь усладительное, что я уже не одинъ разъ желала разумѣть, что они сказать хотятъ. Я увѣрена, что можно бы было услышать прекраснѣйшїя вещи. Но вы, Демокритъ, все знаете; не разумѣете ли вы и языка соловьевъ?„

Для чего не такъ, отвѣчалъ Философъ съ обыкновен-

венным хладнокровіем? Я разумѣю язык и всѣх прочих птиц!

„Право?„

Вы знаете, что я никогда не лгу.

„О как это мило! Переведите нам поскорѣе что нибудь с языка соловьинаго! Что значит та пѣснь, которою Нанніон была столь тронута?„

Это не так легко по Гречески перевести можно, как вы думаете, прекрасная Тріаллида. Нѣт слов и реченій на нашем языкѣ, которыя бы для того были довольно нѣжны и жарки.

„Но как же вы можете разумѣть птичей язык, когда вы не можете по Грече-

ски пересказать вами слышаннаго?,,

Птицы не знаютъ по Гречески, однако разумѣютъ другъ друга.

,, Но вы не птица, а шалунъ, которой всегда издѣвается надъ нами.,,

Какъ въ Абдерѣ любятъ думать о ближнемъ съ худой стороны! Между тѣмъ отвѣтъ вашъ заслуживаетъ, чтобъ я объяснился короче. Птицы разумѣютъ другъ друга посредствомъ нѣкоей симпатіи, бываемой обыкновенно токмо между однородными твореніями. Каждой тонъ поющаго соловья есть живое изображеніе чувствованія, и въ слушающемъ другомъ возбуждаетъ непосредственно чувствованіе, съ онымъ единоглас-

гласное. И такъ другой посредствомъ собственнаго своего внутренняго ощущенія разумѣетъ, что бы первой сказать захотѣлъ; такимъ же точно образомъ разумѣю оныхъ и я.

„Но какъ же вы это дѣлаете?„ — спросили нѣкоторыя Абдеритянки.

Сей вопросъ, послѣ того какъ Демокритъ открылся уже весьма ясно, заданъ былъ столь по Абдеритски, что онъ не могъ оставить его безъ удовлетворенія. Онъ думалъ съ минуту.

„Я разумѣю Демокрита„ сказала молодая *Нанніонъ* по тихоньку.

„Ты разумѣешь его, *усеглая кукла*? — опрокинулась

на

на нее мать. — Ну скажи-ка, что ты разумѣешь?,,

,, Я не могу того изъяснить на словахъ; но я чувствую то, кажется мнѣ,,, отвѣчала *Нанніонъ*.

,, Она, какъ вы слышите, еще дитя, сказала мать, хотя такъ скоро поднялась, что многіе люди почли ее за мою младшую сестру. Но не будемъ остонавливаться на глупыхъ рѣчахъ болтушки, которая сама не понимаетъ, что говоритъ!,,

Нанніонъ съ чувствами, сказалъ Демокритъ. Она ключь ко всеобщему языку природы находитъ въ своемъ сердцѣ, и можетъ быть разумѣетъ его болѣе, нежели —

,,О! государь мой! прошу васъ, не балуйте глупаго ребен-

бенка; она и безъ того умничаетъ и мечтаетъ о себѣ много. —

Хорошо, думалъ Демокритъ; продолжай только такъ! На семъ пути авось либо будетъ еще надежда для ума и сердца молодой *Наннiоны*.

„Станемъ продолжать нашъ разговоръ, (продолжала Абдеритянка, которая никогда прямо не знала, какъ и по чему имѣла *непризнанную честь*, быть матерiю Наннiоны.) Вы хотѣли намъ изъяснить, какимъ образомъ разумѣете птичей языкъ?„

Мы обязаны Аберитянкамъ справедливостiю, не скрывать того, что онѣ все, Демокритомъ о его знанiи птичьяго языка сказанное, почи-

читали за дно токмо *хвастовство*. Но сіе не мѣшало, чтобъ продолженіе такого разговора не было для нихъ весьма занимательнымъ; ибо онѣ не любили ни о чемъ болѣе слушать, какъ о такихъ вещахъ, которымъ онѣ и вѣрили и не вѣрили; какъ то о Сфинксахъ, Тритонахъ, Сивиллахъ, домовыхъ, привидѣніяхъ, и сему подобномъ; да и языкъ птичей, по мнѣнію ихъ, туда же принадлежалъ.

Сему искусству, сказалъ Демокритъ, научился я у главнаго жреца въ Мемфисѣ, когда посвятилъ себя въ Египетскія таинства. Онъ былъ высокъ ростомъ и сухощавъ собою, имѣлъ весьма длинное имя, а еще того длиннѣе сѣдую бороду, простирающуюся

до

до пояса. Вы почли бы его за обитателя другаго свѣта; такой-то важной и таинственной имѣлъ онъ видъ въ остроконечной своей шапкѣ и влачащейся по землѣ мантіи.

Вниманіе Абдеритовъ примѣтно возрастало. *Нанніонъ*, которая сѣла нѣсколько подалѣе, прислушивалась лѣвымъ ухомъ къ пѣнію соловья; однако отъ времени до времени бросала благодарной взоръ на Философа, которой, коль часто мать заглядывалась на свои груди или цѣловала собачку, отвѣчалъ на оной ободрительною улыбкою.

Вся тайность, продолжалъ онъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Подъ нѣкоторымъ стеченіемъ звѣздъ отрѣзать у семи разныхъ птицъ, коихъ

я назвать не могу, головы, кровь ихъ слить въ малую ямку, на сей конецъ въ землѣ вырытую, послѣ того засыпавъ оную, покрыть лавровыми вѣтвями и — итти своею дорогою. По прошествіи трехъ недѣль притти опять, взрыть ямку, и тогда найдешь малаго дракона удивительнаго вида, происшедшаго изъ согнитія смѣшанной крови — (*)

„ Дра-

(*) *Плиній* въ Натуральной и искусственной своей исторіи, помѣстившій истинну и ложь безъ разбору, расказываетъ въ главѣ 49, книги первой, за дѣйствительную правду: что Демокритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій именовалъ нѣкоторыхъ птицъ, изъ коихъ смѣшенной крови происходитъ змѣя такого свойства, что тотъ, кто ее съѣстъ, (съ уксусомъ или съ масломъ? того не говоритъ) съ

„Дракона!„ — вскричали Абдеритянки, показывая совершенное изумленіе.

Дракона, хотя не многимъ больше обыкновенной летуму-

съ тогожъ часа будетъ разумѣть все, что птицы говорятъ между собою. Однако *Геллій* (Noct. Atticar. L. X. Cap. 12) защищаетъ нашего Философа съ лучшимъ основаніемъ, нежели съ какимъ Плиній его опорочиваетъ. Чѣмъ былъ виноватъ Демокритъ, что Абдериты, по глупости своей, все, что онъ говорилъ въ правду, принимали за иронію, и все, говоренное имъ шутя, почитали за правду? Или какъ онъ могъ воспрепятствовать, чтобъ долго послѣ смерти его Абдеритскія головы не продавали другимъ Абдеритамъ подъ его именемъ тысячу нелѣпостей, о коихъ онъ никогда и не думалъ? Какой вздоръ вложилъ ему въ уста, въ 1646 году *Магненъ* въ сочиненіи своемъ подъ названіемъ Democritus redivivus? И чего не допустятъ говорить о себѣ люди, въ другой свѣтъ переселившіеся?

тучей мыши. Сего дракона берутъ, разрѣзываютъ въ мелкіе куски, и ѣдятъ съ уксусомъ, деревяннымъ масломъ и перцомъ, ничего не оставляя; ложатся по томъ въ постелю, окутываютъ себя хорошенько, и просыпаютъ дватцать одинъ часъ сряду. По томъ встаютъ, одѣваются, идутъ въ садъ или рощу, и въ не малое приведены бываютъ изумленіе, когда вдругъ видятъ себя со всѣхъ сторонъ окруженныхъ птицами, слышатъ ихъ привѣтствіе, и разумѣютъ ихъ языкъ и пѣніе такъ хорошо, какъ будтобъ всякой день въ жизни были не иное что, какъ сороки, гуси и Индѣйскіе пѣтухи (*).

Демо-

(*) Надобно думать, что это ошибка переводчика; ибо кто не знаетъ, что

Демокритъ раскавывалъ Абдеритянкамъ все сіе съ толь равнодушною важностію, что онѣ не могли ему не повѣрить, поелику онъ, по мнѣнію ихъ, о семъ дѣлѣ никакъ не могъ бы раскаэывать съ толь многими обстоятельствами и подробностями, естьли бъ оное не было подлинно. Между тѣмъ узнали они тогда единственно столько, сколько нужно было, чтобъ сдѣлаться гораздо нетерпѣливѣе узнать все —

Р 2 „Но

что Индѣйскіе пѣтухи самому Аристотелю были не извѣстны, и таковыми быть долженствовали, поелику они уже изъ западной Индіи перевезены къ намъ и въ прочія части нашего полукружія? См. Buffon Histoire naturelle des Oiseaux, T. 3. p. 187 и д.

„Но какіяжъ птицы къ тому потребны, спросили онѣ? Есть ли тутъ воробей, зяблица, соловей, сорока, перепелка, воронъ, чибисъ, ночная сова, и проч? Какой видъ имѣетъ драконъ? Есть ли у него крылья? Сколько ихъ? Желтаго ли онъ, или зеленаго, или голубаго, или розоваго цвѣту? Изрыгаетъ ли огонь? Кусается ли или жалитъ, когда до него дотронешься? Вкусенъ ли онъ? Каково варится въ желудкѣ? Чѣмъ его запиваютъ? — Всѣ сіи вопросы, которыми бѣдной Испытатель естества былъ со всѣхъ сторонъ бомбардированъ, разгорячили его весьма сильно, и онъ наконецъ думалъ, что скорѣе всего освободится отъ хлопотъ,

ког-

когда признаешся имЪ, что всю исторїю выдумалЪ только для шутки.„

„О, вы насЪ не проведете! — вскричали Абдеритянки: вы видно не хотите, чтобЪ мы проникли вЪ ваши тайности. Но мы не оставимЪ васЪ вЪ покоѣ; повѣрьте намЪ! Мы дракона увидимЪ, ощупаемЪ, обнюхаемЪ, отвѣдаемЪ, и сЪѣдимЪ сЪ кожею и сЪ костьми, или — вы должны сказать, для чего не такЪ!„

Конецъ первой книги.

